
Ю.З. Кантор

ЭВАКУАЦИЯ ИЗ ЛЕНИНГРАДА ДО И ВО ВРЕМЯ БЛОКАДЫ

«Ждем 12 часов. Что скажет Молотов? Наконец стоим у громкоговорителя. Левитан объявляет, что у микрофона Молотов, и мы слушаем речь о вероломном нападении Гитлера на Советский Союз, – вспоминала сотрудница Эрмитажа Р.И. Рубиншейн. – Разве можно выразить словами, что мы почувствовали, слушая радио? Война, страшная, ужасная война! Но ведь это ненадолго, его не пустят. Дадут отпор. И все равно страшно. Вспоминаем финскую кампанию, но сейчас это в тысячу раз ужаснее»¹. Поначалу об эвакуации никто не задумывался, и действительно начавшаяся война воспринималась как некая аналогия с недавней, советско-финляндской, память о которой в Ленинграде еще была совсем свежей. «Цепко держалась иллюзия (причем одновременно с ожиданием самого худшего), что скоро каким-то чудесным образом “все встанет на место”. Психологическое состояние неожиданности растянулось на месяцы. Хотя, казалось бы, это состояние ментальное. Неожиданность – длилась»², – таковы характерные ощущения ленинградцев в летние месяцы войны.

Ленинград уже к июлю 1941 г. стал «угрожаемой территорией», формулировка «враг у ворот города» зазвучала во всех официальных источниках в августе. А 8 сентября началась блокада, длившаяся 871 день. Второй по величине город Советского Союза, промышленный, научный и культурный центр, оказался в условиях, беспрецедентно тяжелых даже на фоне иных драматических, а порою и трагических событий Великой Отечественной войны. Эвакуация из Ленинграда, проходившая в несколько «волн» – летом 1941 г., а затем уже после начала блокады и вплоть до ее прорыва в январе 1943-го, – самый сложный феномен, история которого

и 75 лет спустя после полного снятия блокады, имеет множество «белых пятен».

Военные действия

Перед тем, как анализировать эвакуацию из Ленинграда промышленных предприятий, учреждений культуры и населения, необходимо сделать краткий обзор хода военных действий вокруг Ленинграда до начала блокады. Фашисты по плану «Барбаросса» намеревались «стереть Ленинград с лица земли». «Лишь после обеспечения неотложной задачи, которая должна завершиться захватом Ленинграда и Кронштадта, следует продолжить наступательные операции по овладению важнейшим центром коммуникаций и оборонной промышленности – Москвой»³. Гитлер считал принципиально важным не дать советскому командованию вывести войска из района Ленинграда и использовать их на других участках фронта, а также уничтожить Балтийский флот, получив контроль над северо-западным балтийским побережьем. В беседах с военачальниками Гитлер приводил не только военные аргументы: он полагал, что захват Ленинграда принесет не только военный выигрыш, но и огромные политические дивиденды. СССР в случае потери северной столицы лишился бы города, который имел для советского государства особый, символический смысл, будучи «колыбелью трех революций». Гитлер считал, что «дух славянского народа в результате тяжелых боев будет серьезно подорван, а с падением Ленинграда может наступить катастрофа»⁴. Предпринимая нападение на СССР, немецко-фашистское руководство придавало исключительно важное значение захвату Ленинграда. Оно планировало ударом группы армий «Север» (командующий генерал-фельдмаршал В. фон Лееб) в составе 4-й танковой группы, 18-й и 16-й армий из Восточной Пруссии в северо-восточном направлении и двух финских армий (Карельской и Юго-Восточной) из юго-восточной части Финляндии в южном и юго-восточном направлениях уничтожить находившиеся в Прибалтике советские войска, овладеть Ленинградом, приобрести наиболее удобные морские и сухопутные коммуникации для снабжения своих войск и выгодный исходный район для удара в тыл войскам Красной армии, прикрывавшим Москву.

Уже на следующий день после начала войны командующий Ленинградским военным округом М. Попов отдал распоряжение о начале работ по созданию дополнительного рубежа обо-

роны на псковском направлении в районе Луги. Только 4 июля 1941 г. Ставка одобрила это распоряжение. Уже 19 июля Лужский рубеж был хорошо подготовлен: построены оборонительные сооружения протяженностью 175 км при глубине 10–15 км. Наступление немецко-фашистских войск непосредственно на Ленинград началось 10 июля 1941 г. с рубежа реки Великая. К этому времени на дальних юго-западных и северо-западных подступах к Ленинграду немецко-фашистское и финское командование имели 38 дивизий (32 пехотные, 3 танковые, 3 моторизованные), 1 кавалерийскую и 2 пехотные бригады, поддерживаемые мощной авиацией. Немецко-фашистским войскам противостояли Северный фронт (командующий генерал-лейтенант М. Попов, член Военного совета корпусной комиссар Н. Клементьев) в составе 7-й и 23-й армий (всего 8 дивизий) и Северо-Западный фронт (командующий генерал-майор П.П. Собенников, член Военного совета генерал-лейтенант В.Н. Богаткин) в составе 8-й, 11-й и 27-й армий (31 дивизия и 2 бригады), оборонявшихся на фронте протяженностью 455 км; в 22 дивизиях потери в личном составе и материальной части составляли свыше 50 %. Для усиления обороны юго-западных подступов к Ленинграду командование Северного фронта 6 июля образовало Лужскую оперативную группу, из состава которой к началу боевых действий прибыли только 2 стрелковые дивизии, 1 дивизия народного ополчения, личный состав двух ленинградских военных училищ, отдельная горнострелковая бригада, особая артиллерийская группа и некоторые другие части. К 10 июля войска группы армий «Север» имели превосходство над советскими войсками Северо-Западного фронта по пехоте в 2,4 раза, орудиям в 4, минометам в 5,8, танкам в 1,2, самолетам в 9,8 раза⁵.

Для координации действий фронтов 10 июля 1941 г. Государственный комитет обороны (ГКО) образовал Северо-Западное направление (главнокомандующий маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов, член Военного совета секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов, начальник штаба генерал-майор М.В. Захаров), подчинив ему войска Северного и Северо-Западного фронтов, Северный и Краснознаменный Балтийский флоты. Вокруг Ленинграда создавалась система обороны, состоявшая из нескольких поясов. На ближних подступах к Ленинграду в юго-западном и южном направлениях строились Красногвардейский (Гатчинский) и Слуцко-Колпинский укрепленные районы, совершенствовался Карельский укрепленный район. Возводился также пояс

оборонительных сооружений по линии Петергоф (Петродворец) – Пулково; создавались оборонительные сооружения и внутри Ленинграда.

В течение первых двух недель войны преодолев в значительной степени хаотичное сопротивление советских войск в Прибалтике, враг вторгся в пределы Ленинградской области (до 1944 г. в ее состав входили Новгородская и Псковская области). Немецко-фашистские войска 5 июля овладели г. Островом, 9 июля – Псковом. 10 июля 1941 г. развернулось наступление противника на юго-западных и северных подступах к Ленинграду. Почти одновременно враг нанес удары на лужском, новгородском и старорусском направлениях, в Эстонии (преимущественно на островах), на петрозаводском и олонецком направлениях. В последней декаде июля ценой больших потерь противник вышел на рубеж рек Нарва и Луга, где вынужден был перейти к обороне и произвести перегруппировку.

На Карельском перешейке с 31 июля советские войска вели оборонительные бои с наступающими финскими войсками и к 1 сентября остановили их на рубеже государственной границы 1939 г. На олонецком, петрозаводском и свирском направлениях наземные войска при поддержке Ладожской военной флотилии (командующий с августа капитан 1-го ранга, с сентября контр-адмирал Б. Хорошихин, с октября 1941 г. капитан 1-го ранга В. Чероков), ведя с 10 июля упорные бои, к концу сентября остановили противника на рубеже реки Свирь⁶. Германское наступление было приостановлено на несколько недель. Когда намерения нацистов захватить город к августу 1941 г. провалились, Гитлер был взбешен и немедленно отправился в штаб группы армий «Север», чтобы лично участвовать в подготовке плана захвата Ленинграда к сентябрю. С военно-стратегической точки зрения взятие Ленинграда позволило бы Гитлеру высвободить действующие в зоне наступления войска вермахта, входившие в состав 4-й танковой группы, необходимые для успешного осуществления операции «Тайфун» (кодовое название операции по захвату Москвы). Г. Жуков, вспоминая события августа–сентября 1941 г., писал: «Для нас потеря Ленинграда была бы серьезным осложнением всей стратегической обстановки. В случае захвата города врагом и соединения здесь немецких и финских войск нам пришлось бы создавать новые фронты, чтобы оборонять Москву с севера, и израсходовать при этом все стратегические резервы, которые готовились Ставкой для защиты столицы. Кроме того,

мы неизбежно потеряли бы мощный Балтийский флот. Для противника взятие Ленинграда означало, что группа армий «Север» и финские войска, действовавшие на Карельском перешейке, легко могли бы соединиться с финско-германскими войсками в районе реки Свирь и перерезать этим наши коммуникации, идущие в Карелию и Мурманск»⁷.

В августе развернулись бои на ближних подступах к Ленинграду. С 8 августа противник перешел в наступление на красногвардейском направлении. 13 августа вермахт перерезал дорогу Ленинград – Кингисепп. 16 августа после тяжелых боев Кингисепп был оставлен, к 21 августа противник вышел к Красногвардейскому укрепленному району, пытаясь обойти его и ворваться в Ленинград, но его атаки были отражены. С 22 августа по 7 сентября велись напряженные бои на ораниенбаумском направлении. Враг был остановлен северо-восточнее Копорья. Наземные войска в боях тесно взаимодействовали с Краснознаменным Балтийским флотом (командующий вице-адмирал В.Ф. Трибуц, член Военного совета дивизии комиссар Н.А. Смирнов) и Ладужской военной флотилией. Кроме поддержки сухопутных войск авиацией и мощной артиллерией, флот решал самостоятельные задачи: защищал подступы к Ленинграду, разрушал коммуникации противника в Балтийском море, вел борьбу за Моонзундский архипелаг, главную базу флота – Таллин и за полуостров Ханко. В период обороны Ленинграда флот направил на сушу (в бригады морской пехоты, отдельные стрелковые батальоны и др.) свыше 160 тыс. человек личного состава⁸. Дальнобойная артиллерия флота успешно действовала против немецко-фашистских войск. Под Лугой все атаки врага были отражены, что несколько задержало наступление вермахта на этом направлении.

На новгородско-чудовском направлении, где немцы наносили главный удар, советские войска пытались контратаковать противника, наступавшего на Новгород, но существенных результатов не добились. 19 августа немцы заняли Новгород, 20 августа – Чудово⁹, перерезав железнодорожную магистраль Ленинград – Москва. За счет освободившихся войск немецко-фашистское командование усилило группировку, наступавшую на Ленинград, и перенесло сюда основные усилия авиации группы армий «Север». В связи с выходом противника на ближние подступы к Ленинграду Военный совет Северного фронта обратился с ходатайством к главному Северо-Западного направления и Верховному главнокомандующему с просьбой о разделении Северного фрон-

та. 23 августа Ставка разделила Северный фронт на Карельский (командующий генерал-лейтенант В.А. Фролов, член Военного совета корпусной комиссар А.С. Желтов) и Ленинградский (командующий генерал-лейтенант М.М. Попов, с 5 сентября маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов, с 12 сентября генерал армии Г.К. Жуков, с 10 октября генерал-майор И.И. Федюнинский, с 26 октября генерал-лейтенант М.С. Хозин; члены Военного Совета А.А. Жданов, корпусной комиссар Н.Н. Клементьев, начальник штаба фронта полковник Н.В. Городецкий)¹⁰.

24 августа 1941 г. ГКО принял решение № 752сс «О создании Военного совета обороны гор. Ленинграда и Военного Совета при коменданте Красногвардейского укрепрайона». Обстановка под Ленинградом оставалась чрезвычайно напряженной, положение усугублялось. Между тем в Ставке по-прежнему с недоверием относились к донесениям из Ленинграда, считая их «паникерскими».

28 августа высшее германское командование отдало приказ № 40996/41 об окончательном окружении Ленинграда. В приказе подтверждалось требование «соединиться с финскими войскам»¹¹. 28 августа германские войска заняли Тосно и вечером были уже в 4–5 км от Колпино¹².

Из записи разговора по прямому проводу члена ГКО генерал-майора А.М. Василевского с командующим Ленинградским фронтом генерал-лейтенантом М.М. Поповым от 28 августа 1941 г.: «Ваши сегодняшние предложения напоминают шантаж. Вас запугивают командующие армиями. Вы, в свою очередь, решили, видимо, запугивать Ставку всякими ужасами насчет прорыва, обострения положения и прочее. Конечно, если Вы ничего не будете делать для того, чтобы требовать от своих подчиненных, а быть только статистом, передающим жалобы армий, нам придется тогда через несколько дней сдать Ленинград. Но Ставка существует не для того, чтобы помыкать (так в тексте. – Ю. К.) шантажистским требованиям и предложениям. Ставка разрешает Вам отвести части с линии Выборга, но Ставка вместе с тем приказывает Вам, чтобы части ни в коем случае не покидали подготовленного рубежа по линии Маннергейма. Ставка запрещает вам оголять Лужскую губу и отдавать ее противнику... Ставка требует (разрядка в документе. – Ю. К.), чтобы вы, наконец, перестали быть статистом и специалистом по отступлению...»¹³.

29 августа ГКО объединил Главное командование Северо-Западного направления с командованием Ленинградского фронта,

а Северо-Западный фронт подчинил непосредственно Ставке Верховного главнокомандования. Противник продолжал теснить войска 48-й армии, которые отступали по направлению к станции Мга. К полудню 29 августа 1941 г. противник находился в 8 км южнее станции Мга. Несмотря на предпринимаемые меры 31 августа Мга пала. Ленинград потерял железнодорожную связь со страной. Кроме того, захватив Ивановское и выйдя к Неве, враг перерезал последнюю шоссейную дорогу¹⁴.

После выхода группы армий «Север» к Красногвардейску и Колпино верховное командование нацистской Германии считало, что захват Ленинграда – дело нескольких дней. 5 сентября на совещании высшего командования германской армии Гитлер заявил, что под Ленинградом цель достигнута и «отныне район Ленинграда будет второстепенным театром военных действий»¹⁵.

Угроза окружения Ленинграда катастрофически нарастала, чему не могли эффективно противодействовать войска Ленинградского фронта. В Директиве Ставки ВГК № 001513 Военному совету Северо-Западного направления говорилось о недостатках в военных действиях Ленинградского фронта. 1 сентября 1941 г.: «Ставка считает тактику Ленинградского фронта пагубной для фронта. Ленинградский фронт занят только одним – как бы отступить и найти новые рубежи для отступления. Не пора ли кончать с героями отступления? Ставка в последний раз разрешает вам отступить и требует, чтобы Ленинградский фронт набрался духу честно и стойко отстаивать дело обороны Ленинграда. И. Сталин, Б. Шапошников»¹⁶.

С 4 сентября 1941 г. противник начал массированный артиллерийский обстрел города и систематические налеты авиации¹⁷. 5 сентября было полностью упразднено Главнокомандование Северо-Западного направления. Войска Ленинградского фронта возглавил маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов, бывший командующий генерал-лейтенант М.М. Попов стал начальником штаба фронта. Таким образом, была завершена централизация руководства всей обороной города – все функции управления войсками были сосредоточены в руках командования Ленинградского фронта¹⁸. Прорвавшись 8 сентября через станцию Мга к Шлиссельбургу, немецко-фашистские войска отрезали Ленинград от суши. Началась блокада.

Выход противника к Красногвардейску и Колпино вынудил советские войска, оборонявшиеся в районе Луги, отступить. 9 сентября немецко-фашистские войска возобновили наступление на

Ленинград, нанося главный удар из района западнее Красногвардейска. К этому моменту командующим Ленинградским фронтом был назначен генерал армии Г.К. Жуков¹⁹.

Сосредоточив 8 дивизий (5 пехотных, 2 танковые и 1 моторизованную), противник пытался взять город штурмом. Командование Ленинградского фронта перебросило с Карельского перешейка несколько подразделений, включило в боевые действия спешно сформированные отряды народного ополчения, перевело значительную часть моряков с кораблей на сушу. Бои в районе Красногвардейска продолжались непрерывно 9 суток. К 18 сентября враг был остановлен в Пулкове. На исход оборонительного сражения под Красногвардейском и Колпино оказало влияние начавшееся по указанию Ставки 10 сентября наступление советских войск из района Волхова на Мгу и Синявино, сковавшее значительные силы противника²⁰. Одновременно в направлении Синявино – Мга перешли в наступление войска Невской оперативной группы, которые к 26 сентября форсировали Неву и захватили небольшой плацдарм – так называемый Невский пяточок. В середине сентября немецко-фашистские войска вышли к Финскому заливу в районе Стрельны и отрезали находившиеся западнее советские войска, которым благодаря мощной поддержке флота удалось удержать Приморский (Ораниенбаумский) плацдарм, сыгравший затем большую роль в обороне города. Приказ перейти к осаде Ленинграда пришел в тот момент, когда город, как казалось немцам, мог быть взят одним последним ударом. Решение перейти к осаде Ленинграда, а не брать его штурмом, в значительной мере диктовалось позицией финнов. Генерал-фельдмаршал Г. Маннергейм, главнокомандующий войсками Финляндии, придерживался принципов «активно оборонительной войны», имел определенные колебания в отношении целесообразности перехода старой финской границы на Карельском перешейке и наступления на Ленинград. Эти «колебания» в значительной степени были «навешаны» Лондоном: в 1941 г. И.В. Сталин неоднократно ставил вопрос перед союзниками о необходимости оказания на Финляндию соответствующего давления, и оно было оказано: «Мы окажем любое возможное давление на Финляндию, включая немедленное заявление, что объявим ей войну, если она будет продвигаться за старые границы. Мы просим Соединенные Штаты предпринять все необходимые шаги, чтобы повлиять на Финляндию»²¹. У союзников были веские основания оказывать это давление: ухудшение положения под Ленинградом в начале сентября

вызывало закономерную тревогу в Великобритании. Опасаясь захвата остатков Балтийского флота немцами, английский премьер-министр У. Черчилль просил Сталина уничтожить флот в случае необходимости и предложил выплатить за него компенсацию²². 8 сентября 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта принял постановление «По вопросу о проекте плана затопления кораблей КБФ и судов торгфлота в случае непосредственной угрозы их захвата противником»²³. Позиция Вашингтона и Лондона охладила головы тех в Хельсинки, кто помышлял о большем, нежели возвращение утраченной в ходе советско-финляндской войны территории.

В директиве гитлеровского командования от 22 сентября 1941 г. «О будущем г. Петербурга» говорилось: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта. Финляндия точно также заявила о своей незаинтересованности в дальнейшем существовании города непосредственно у ее новой границы... Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты»²⁴.

20 октября началась Синявинская наступательная операция войск Ленинградского фронта с целью деблокирования города, но завершить операцию не удалось, так как советское Верховное главнокомандование было вынуждено перебросить часть войск на тихвинское направление, где противник развернул наступление. 8 ноября врагу удалось захватить Тихвин. Хотя советские войска не допустили прорыва противника к Свири, последняя железная дорога (Тихвин – Волхов), по которой подвозились грузы к Ладожскому озеру, оказалась перерезанной. Город окончательно оказался во вражеском кольце.

Промышленные предприятия

24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР был создан Совет по эвакуации в составе Л.М. Кагановича (председатель), А.Н. Косыгина, Н.М. Шверника, Б.М. Шапошникова, С.Н. Круглова, П.С. Попкова, Н.Ф. Дубровина и А.И. Кирпичникова. 26, 27 июня и 1 июля решением тех же органов в Совет по эвакуации были дополнительно введены А.И. Микоян, Л.П. Берия

и М.Г. Первухин²⁵. Совет приступил к работе, как и предписывало постановление, немедленно после его создания, решения Совета являлись обязательными для выполнения всем подведомственным ЦК ВКП(б) и СНК структурам²⁶.

27 июня 1941 г. по решению бюро горкома и обкома ВКП(б) была организована Ленинградская городская эвакуационная комиссия в составе 9 человек под председательством Б.М. Мотылева. Первоначально предполагалось, что комиссия займется всем комплексом вопросов, связанных с вывозом населения, учреждений, оборудования предприятий, военных грузов и других ценностей. Но колоссальный объем работы сразу внес существенные коррективы. В тот же день, 27 июня, Ленгорисполком создал комиссию (председатель Е.Т. Федорова) по размещению и эвакуации граждан, прибывающих в Ленинград из районов, оказавшихся под угрозой оккупации (Карелия, Прибалтика, позднее Ленинградская область). 28 июня 1941 г. Военный совет Северного фронта назначил своим уполномоченным по эвакуации председателя Ленгорисполкома П.С. Попкова, в июле он возглавил Правительственную комиссию по эвакуации, занимавшуюся главным образом вопросами вывоза промышленных предприятий. До Великой Отечественной войны Ленинград являлся крупнейшим промышленным центром страны, львиная доля предприятий которого (еще с дореволюционного времени) была ориентирована на военное, в том числе наукоемкое, производство. В нем действовали 333 предприятия союзного и республиканского подчинения, а также большое количество заводов и фабрик местной промышленности и артелей. На них работали 565 тыс. человек²⁷.

Уже 27 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимают решение «в целях сохранения авиационных заводов от воздушной бомбардировки... немедленно приступить к переброске оборудования и кадров предприятий», находящихся в ведении Наркомата авиаприборостроения. Среди них ленинградские «номерные» секретные производства:

- завод № 218 в Казань, на фабрику киноплёнки;
- заводы № 234 и № 451 в Уфу, на моторный завод № 384;
- заводы № 23 и № 17 в Новосибирск, на завод № 153;
- заводы № 380 и № 381 в Тагил, на вагоностроительный завод;
- завод № 81 на автосборочный и новостроящийся моторный в г. Омске²⁸.

2 июля 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимают постановление «О разгрузке Ленинграда от предприятий Наркомата боепри-

пасов», по которому можно проследить первоначальные векторы эвакуации стратегически важных учреждений отрасли: «В целях сохранения заводов боеприпасов от воздушной бомбардировки обязать т.т. Горемыкина П.Н. и Кагановича Л.М. немедленно приступить к переброске оборудования и кадров следующих предприятий города Ленинграда:

1) Завод им. Калинина № 4 – в г. Казань в помещение мехового комбината Наркомлегпрома СССР, передав это помещение Наркомату боеприпасов.

2) Капсюльно-пиротехнический завод № 5 – в г. Муром на завод № 253 Наркомбоеприпасов.

3) Завод № 77 – в г. Киров в помещение комбината искусственных кож Наркомлегпрома РСФСР, передав это помещение Наркомату Боеприпасов.

4) Завод «Станкоприбор» – в г. Саратов в помещение кондитерской фабрики, принадлежавшее ранее Наркомпищепрому РСФСР.

5) Ленинградский филиал НИИ-24 – в г. Челябинск на завод № 78.

6) ГСИ-44 – в г. Владимир на завод № 260 Наркомбоеприпасов.

7) ЦКБ-22 – в г. Пензу на завод № 50 Наркомбоеприпасов.

8) Завод им. Молотова из Шлиссельбурга – в г. Молотов на завод № 88 Наркомбоеприпасов.

9) Завод № 52 из Поповки (Октябрьская жел. дорога) – в Калугу в переданный Наркомбоеприпасов комбинат синтетических душистых веществ.

10) Химико-технологический институт – в г. Казань в Химико-технологический институт»²⁹.

В условиях приближения немецких войск к Ленинграду и угрозы его полного окружения крайне необходимой стала массовая эвакуация производственного персонала и населения, оборудования важнейших промышленных предприятий, материалов, полуфабрикатов, технической документации. Выполняя постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. Военный совет Северного фронта 28 июня 1941 г. определил, что эвакуации из Ленинграда в первую очередь подлежат квалифицированные рабочие, инженеры и служащие, оборудование, станки и машины важнейших предприятий, ценные сырьевые ресурсы, цветные металлы³⁰. Перемещение в города Поволжья, Урала, Сибири, Средней Азии авиационных заводов началось в конце июня, оборудования Наркомата вооружения – с 3 июля, крупнейших

машиностроительных, электротехнических, приборостроительных, оптических и смежных с ними предприятий, конструкторских бюро, учебных и научно-исследовательских институтов, военных училищ и академий – с 11 июля. С 13 июля началась эвакуация заводов Наркомата черных металлов, предприятий тяжелого машиностроения: Невского машиностроительного завода, заводов подъемно-транспортного оборудования, «Русский дизель», «Экономайзер», частично металлического, станкостроительного, «Светланы», «Электросилы» и др.³¹ С 29 июня по 27 августа из города выехали 164 320 рабочих, ИТР, служащих и членов их семей³². Всего к началу сентября 1941 г. из Ленинграда были вывезены 92 предприятия. На новых местах заводы размещались таким образом, чтобы между ними осуществлялась широкая производственная кооперация. Так, на базе Челябинского тракторного завода и эвакуированных в Челябинск и Свердловск ленинградского Кировского завода и завода № 174, а также Харьковского дизельного заводов было создано одно из наиболее крупных танкостроительных предприятий, получившее в народе название «Танкоград». Уже в конце 1941 г. оно стало поставлять на фронт тяжелые боевые танки KB³³.

26 августа в Ленинград была направлена группа высших должностных лиц страны – членов Государственного комитета обороны В. Молотов, Г. Маленков, Н. Кузнецов, А. Косыгин и др. для «рассмотрения и решения, совместно с Военным советом Главного командования Северо-западного направления и с Военным советом Ленинградского фронта всех вопросов обороны Ленинграда и эвакуации предприятий и населения Ленинграда». Большая часть этих решений осталась на бумаге – в условиях стремительного наступления вермахта выполнение их было нереальным. Сама хронология их появления говорит о многом, быстро менявшаяся обстановка и ее оценка на месте приводили к тому, что по одному вопросу в течение двух-трех дней принималось несколько решений. Противоречивость и «лихорадочность» действий комиссии ГКО еще более дезориентировали местное руководство, которое в полном объеме смогло продолжить работу по укреплению обороны по прошествии недели. Однако комиссия ГКО все же выделила три важнейшие сферы, которые для Ленинграда надолго оставались ключевыми – оптимизация органов военного управления, дальнейшая эвакуация предприятий и населения, обеспечение войск фронта и населения города боеприпасами и продовольствием. Важное значение для обороны

Ленинграда имело, во-первых, завершение реформы управления войсками, во-вторых, отмена 28 августа 1941 г. «до особого распоряжения» постановления ГКО, принятого двумя днями раньше, «Об эвакуации Кировского завода, Наркомсредмаша и Ижорского завода Наркомсудпрома»³⁴, в третьих, разработка комплекса мер по упорядочению распределения оставшегося в Ленинграде продовольствия. Отмена постановления об эвакуации крупнейших промышленных предприятий, помимо стремления укрепить оборону города за счет местных ресурсов, была вызвана объективной реальностью – к концу августа железнодорожное сообщение с Ленинградом было уже практически прервано. Кроме того, важнейшая проблема при подготовке к эвакуации заключалась в отсутствии заранее, до войны, подготовленных планов такого рода мероприятий, вывоз промышленных гигантов проводился в спешке и хаосе. Например, при подготовке к эвакуации оборудования Кировского завода были поданы 212 вагонов вместо необходимых 500. План эвакуации «горячих цехов», где работало около 10 тыс. человек, был разработан лишь «вчерне», поэтому на практике его осуществление столкнулось с непреодолимыми трудностями. Создавшееся положение явилось результатом того, что «в июле–августе высшие органы власти страны приняли ряд постановлений по эвакуации промышленности Ленинграда. Некоторые из них предписывали производить эвакуационные мероприятия в столь короткие сроки, что переезд уже подготовленных для этого предприятий приходилось откладывать “на потом”»³⁵, но это было уже невозможно: 8 сентября блокадное кольцо замкнулось.

Музеи

Эвакуация художественных ценностей – особая страница в ленинградской военной эпопее. Сохранение уникальных, всемирно известных коллекций музеев северной столицы было делом особой важности не только для деятелей культуры, но и для простых горожан. Лозунг «Защитим город-музей» стал в годы войны своеобразным руководством к действию для тысяч ленинградцев. Одним из проявлений спасения культурного наследия, готовности жертвовать собой во имя него явилась эвакуация музеев с берегов Невы в первые месяцы войны.

Управление культурно-просветительными предприятиями Ленсовета получило в начале 1941 г. от Военного отдела Ленгор-

исполкома ответ на просьбу о пересмотре в сторону увеличения планов разгрузки музеев на случай «чрезвычайных обстоятельств». В ней сообщалось, «что пересмотр плана разгрузки Управлением может быть произведен только при общем пересмотре плана, что зависит от центральных правительственных органов и о чем будут даны особые указания»³⁶. Но «особых указаний» не последовало, и к началу войны музеи системы Ленгорисполкома к «разгрузке» были готовы только в масштабах плана 1936 г., на основе которого и были предусмотрены финансовые средства, тара, рабочая сила, эвакуобазы. Этот план по указанию Генерального штаба РККА и Совнаркома СССР Наркомпрос РСФСР подготовил в 1932–1936 гг., но, увы, без учета реального количества хранившихся в музеях ценностей, поскольку не имел сводных данных о них³⁷. В 1939–1940 гг., реагируя на многократные просьбы музейщиков Ленинграда и Дальнего востока (пограничных территорий, где критичность ситуации ощущалась особенно остро), руководство Наркомпроса обращалось в Генштаб с предложениями «откорректировать» очевидно несостоятельный план, но получило отказ³⁸. Таким образом, и на 1941 г. для музеев Ленинграда и его пригородов остался вариант эвакуации пятилетней давности. Так, из дворцовых пригородов Ленинграда необходимо было эвакуировать 4871 экспонат за 4 дня³⁹. (при том что Центральная инвентаризационная комиссия Управления культурно-просветительными предприятиями Ленсовета в своем постановлении от 11 января 1939 г. указала, что в дворцах-музеях находится 300 000 музейных предметов⁴⁰). В соответствии с заданными объемами Октябрьская железная дорога должна была выделить в случае войны всего восемь вагонов⁴¹.

И все же Ленинград был исключительным случаем на общем фоне: ни в одном из регионов страны (включая столичный), по имеющимся документам, не было проведено столь мощной, рискованной и порой даже выходящей за рамки местных полномочий работы по спасению ценностей, производимой иногда вопреки позиции центра. Например, специальной комиссией, в состав которой входили профессора Э.К. Кверфельд и С.П. Яремич, а также представители Ленсовета, Управления дворцами и парками Ленсовета и дирекции дворцов-музеев, был подготовлен список предметов, подлежащих эвакуации из дворцов-музеев городов Пушкина, Петергофа, Слуцка (Павловск), Красногвардейска (Гатчина). На основе данных комиссии (количество музейных предметов, подлежащих эвакуации)⁴² 29 июня 1941 г.,

когда Управление Ленинградских железных дорог предоставило Петергофу под погрузку музейных ценностей один четырехосный вагон (50 т), Управление культурно-просветительными предприятиями Ленсовета решилось на необходимый, но беспрецедентно смелый по тем временам шаг (работники рисковали быть заподозренными в «паникерских настроениях») – начать работу по эвакуации, ориентируясь не на план 1936 г. и поступающие с задержкой директивы⁴³, а на необходимость вывезти максимально большое количество музейных коллекций.

«29 июня 1941 г. Ожидая особое распоряжение от местных властей по эвакуации музейных ценностей, готовых к отправке, просим телеграфно указать базы эвакуации из дворцов-музеев Петергофа – одного вагона, Пушкина – одного вагона, Гатчины – четырех вагонов, Павловска – двух вагонов.

Секретарь Исполкома Ленгорсовета Пономарев»⁴⁴.

Ответа не последовало. Ленгорсовет направляет телеграфное ходатайство Наркомхозу РСФСР о выделении дополнительных эвакуобаз. Из Москвы – снова молчание. И ленинградские власти берут ответственность на себя: Ленгорисполком, основываясь на решении Ленгорсовета, принимает жизненно необходимое решение:

«Совершенно секретно. Предложить УКППЛ (Управление культурно-просветительными предприятиями. – Ю. К.) произвести дополнительную эвакуацию музейных ценностей из дворцов-музеев гг. Пушкина, Петергофа, Красногвардейска и Слуцка, а также Музея Города и дворца Петра I в Ленинграде.

Вывоз произвести в те же эвакуобазы (в г. Горький, г. Сарапул), в которые вывезены музейные ценности первой очереди»⁴⁵.

Затем Ленгорисполком обращается непосредственно к горисполкомам Сарапула и Горького с информацией, носящей де-факто директивный характер: принять все, что будет отправлено музеями Ленинграда и области. Руководство Ленгорисполкома можно понять, но трудно при этом не посочувствовать властям двух указанных регионов, захлебывавшихся от количества постоянно прибывавших туда самых различных предприятий, которым требовались базы для размещения, жилье для сотрудников и т. д.

«Секретно. В Совнарком Удмуртской АССР. г. Ижевск. В связи с создавшейся обстановкой Ленинградский исполнительный комитет принял решение о дополнительной отправке музейных ценностей пригородных дворцов-музеев гор. Ленинграда в гор. Сарапул.

Не имея возможности и времени для предварительного согласования эвакуобазы с правительственными организациями Удмуртской АССР, Исполком Ленинградского Совета депутатов трудящихся обращается к Вам с настоятельной просьбой разместить в Сарапуле до 30 вагонов (двухосных) с музейными ценностями Ленинграда, имея в виду, что в Сарапуле в настоящее время уже хранятся отправленные ранее из Ленинграда музейные ценности.

Исполнительный комитет Ленгорсовета просит вас дать соответствующие указания соответствующим организациям Сарапула.

Зам. пред. Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся Федорова

16 августа 1941 г.»⁴⁶.

Благодаря активной помощи Управления культурно-просветительных учреждений Ленгорисполкома и самоотверженному труду музейщиков в июне – начале сентября удалось вывезти подавляющее большинство коллекций полностью, не разрознивая экспонаты и тем самым не обесценивая собраний. Из Гатчинского дворца были эвакуированы практически все экспонаты из благородных металлов, гобелены, все оружие XVI–XIX вв., вся коллекция миниатюр, вся экспозиционная живопись, вся выставка костюмов XVIII–XIX вв., 2,5 тыс. единиц китайского и японского фарфора, почти весь русский и западноевропейский фарфор, образцы гарнитуров мебели, ломоносовские мозаики, английские телескопы, весь архитектурный архив⁴⁷.

В Гатчинском дворце-музее к работе по эвакуации имущества удалось привлечь военнослужащих зенитных батарей, занимавших позиции неподалеку от дворца. Упаковка музейных ценностей и подготовка их к отправке начались в ночь на 23 июня 1941 г. Все работы по вывозу были прерваны лишь 10–13 сентября 1941 г., когда советские войска оставили уже практически окруженный город.

И в других дворцовых пригородах Ленинграда музейщиками велась напряженнейшая работа. С первых дней войны сотрудники дворцов-музеев г. Пушкина приступили к упаковке картин, гравюр, люстр, мебели, которая проводилась одновременно с консервацией архитектурных памятников.

По утвержденному списку 1936 г. только 303 экспоната из 72 554 «великолепных произведений XVIII века... XIX века... типичных примеров дворянского быта своей эпохи», находивших-

ся в Екатерининском и Александровском дворцах, подлежали эвакуации. Предметы из перечня, разработанного еще в 1936 г., были упакованы всего за два дня, далее в течение 83 дней – все остальное, что удалось спасти. А.М. Кучумов, возглавлявший работы по вывозу экспонатов этого музея, вспоминал: «Проходя по залам, снимал с полок, панелей, столов, шкафов те вещи, которые можно упаковать и отправить»⁴⁸. Не хватало ящиков и упаковочной стружки, поэтому использовали сундуки, в которых хранились императорские костюмы и мундиры, а для дополнительной защиты хрупких вещей использовали шелковые платья, шарфы и другие предметы туалета, принадлежавшие семье последнего российского императора⁴⁹. Фраза «не хватало ящиков, стружки, других упаковочных материалов» постоянно встречается как в официальной документации, так и в материалах эпистолярного характера российских музейных работников, переживших военную эвакуацию.

В отчете о хранении музейных ценностей дворцов-музеев г. Пушкина, датированном началом сентября 1941 г., приводятся следующие данные. С 22 июня по 22 августа 1941 г. были организованы 5 очередей отправки в тыл музейных вещей пригородных дворцов-музеев. Эвакуация производилась в следующей последовательности:

- 1-я очередь – 30 июня, 48 ящиков в г. Горький,
- 2-я очередь – 6 июля, 46 ящиков в г. Горький,
- 3-я очередь – 13 июля, 47 ящиков в г. Горький.

Экспонаты 1-й, 2-й и 3-й очереди, отправленные в Горький, были размещены в здании областного краеведческого музея. Однако к октябрю 1941 г. Горький превратился в прифронтовой город, участились налеты вражеской авиации. 8 ноября предметы из пушкинских музеев были погружены в вагоны и отправлены в Томск, а оттуда в Новосибирск.

- 4-я очередь – 20 августа, 91 ящик в г. Сарапул,
- 5-я очередь – 22 августа, 74 ящика в г. Сарапул⁵⁰.

Всего из структур, подчинявшихся Управлению культурно-просветительными предприятиями Ленсовета, по железной дороге были эвакуированы 64 863 музейных предмета, что составило более 66 % всех имевшихся ценностей.

Особо хочется остановиться на эвакуации всемирно известных коллекций Государственного Эрмитажа. Это был один из очень немногих музеев страны, в котором вопросы вывоза музейных ценностей в случае возникновения для них опасности,

были достаточно продуманы и проработаны в мирные годы задолго до начала Великой Отечественной войны. Первая директива из Комитета по делам искусств СНК СССР, которому музей был подведомственен и без которого директор Эрмитажа академик И.А. Орбели не имел права официально начать подготовку к эвакуации, пришла 24 июня:

«Об охране музейных ценностей. 24 июня 1941 г.

Обязать директора Эрмитажа тов. Орбели, директора Русского музея тов. Цыганова и начальника УКППЛ тов. Безпрозванного, в целях предохранения от бомбардировки музейных ценностей, перевести их из верхних этажей в первый и подвалы. На время работ по упаковке ценностей закрыть Русский музей и Эрмитаж для посетителей, выставки «Военное прошлое нашей родины», «Рыцарский зал», а также галерея героев Советского Союза работают бесперебойно»⁵¹.

Но уже в первый день войны музей начал подготовку к немедленному свертыванию экспозиций. Эрмитаж, переживший недавнюю «репетицию» – советско-финскую войну, смог заранее изготовить основную часть ящиков для упаковки ценностей, которые предназначались для отправки двумя железнодорожными составами. Они готовились для определенных экспонатов, и в них находился список предметов, предназначенных для упаковки, со всеми необходимыми данными и упаковочными материалами. Это позволяло эвакуировать коллекции в сжатые строки и обеспечить их сохранность при транспортировке⁵².

Уже вечером 22 июня, в воскресенье – рабочий для музея день, начался перенос 40 картин под своды Особой кладовой (Галерея драгоценностей № 1). Среди них произведения Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана, Рембрандта. Работа по упаковке вещей велась круглосуточно, с небольшим перерывом на 2–3 часа только ночью⁵³. Спали по очереди в залах, где шла упаковка, на стульях или на свернутых коврах. Даже зрительный зал Эрмитажного театра служил местом отдыха и сна. Поскольку часть научных сотрудников уже была мобилизована на оборонные работы, содействие оказывали студенты, художники, добровольно пришедшие помочь Эрмитажу. Шесть суток ушло на подготовку к эвакуации экспонатов первого эшелона – 500 тыс. единиц хранения.

В.Ф. Левинсон-Лессинг писал: «Картины малого и среднего размера (примерно до 100 x 75 см) были упакованы в ящики с гнездами, образованными укрепленными вертикально на стенах ящиков параллельными рейками, обитыми сукном; картины проч-

но укреплялись между этими рейками посредством деревянных брусков. В одном ящике такого типа помещалось от 20 до 60 (в отдельных случаях и больше) картин. Наиболее крупные по размеру картины были сняты с подрамников и накатаны на валы... На каждый вал накатывалось от 10 до 15 картин, переложенных бумагой. Зашитые в клеенку валы укладывались в прочные продолговатые ящики и укреплялись наглухо на специальных стойках»⁵⁴.

Единственное исключение было сделано для картины «Возвращения блудного сына», размеры которой 262 x 205 см (5,37 кв. м). Ее не решились снять с подрамника и накатывать на вал, подобно другим полотнам. Ящик из досок толщиной в три сантиметра, специально изготовленный для «Возвращения блудного сына», еще больше увеличил габариты огромной картины. Эвакуация раки Александра Невского, статуи «Вольтер в кресле» работы Гудона из-за их тяжести и огромных размеров также потребовала особых приспособлений.

На товарную станцию Московского вокзала 30 июня был подан литерный поезд, состоящий из 22 больших четырехосных вагонов, одного бронированного и одного классного для сопровождающих и для отдыха бойцов военной охраны и платформы с зенитными орудиями. К вечеру в сопровождении научных сотрудников и вооруженных бойцов от каждого подъезда машины с экспонатами двинулись к Московскому вокзалу.

В ночь на 1 июля эшелон с экспонатами отправился в путь – в Свердловск⁵⁵. Его начальником и директором филиала Государственного Эрмитажа на месте прибытия был назначен профессор В.Ф. Левинсон-Лессинг.

20 июля 1941 г. к товарной станции Московского вокзала вновь двинулись машины с экспонатами. Как и 30 июня, их сопровождали вооруженные военные. Список уезжавших со вторым эшелом сотрудников, составленный И.А. Орбели, состоял из 16 человек. Для второго эшелона были предназначены 22 товарных вагона, один бронированный⁵⁶, в которые погрузили 1422 ящика с 700 тыс. единиц хранения. Третий эшелон уйти не успел – 8 сентября замкнулось кольцо блокады.

Практически в столь же сжатые сроки, что и в Эрмитаже, были подготовлены к вывозу сокровища Русского музея. Здесь также в предвоенные годы специалистами музея и Комитета по делам искусств при СНК СССР были выделены памятники художественной культуры, подлежащие эвакуации в первую очередь, для их упаковки были заготовлены сухие доски, фанера, стружки, вата,

бумага и т. д., но ящики и валы, необходимые для перевозки музейных ценностей, делались в дни войны⁵⁷. Сворачивание экспозиции и упаковка материалов в ящики началась 24 июня.

С большими предосторожностями упаковывались тысячи разнообразных предметов: картины, скульптуры, фарфор, ткани и т. п. Работа шла днем и ночью. Она осложнялась наличием большого количества непортативных и нетранспортабельных вещей. Чтобы снять со стены картину «Последний день Помпеи» Брюллова, потребовались около 50 человек и специальные приспособления. Валы, на которые наворачивались такие картины, диаметром в 1,5 и длиной в 10 м, не входили в вагоны – их пришлось перевозить на открытых платформах. Памятники искусства, входившие в так называемую первую категорию ценности, Государственный Русский музей эвакуировал в Горький 1 июля 1941 г.; впоследствии, 1 августа 1941 г., они были перенаправлены в Молотов (Пермь) и Соликамск. В первую категорию вошли уникальные вещи, начиная от древнейших икон (Андрей Рублев, Симон Ушаков) и кончая произведениями Кипренского, Брюллова, Крамского, Ге, Репина, Шишкина, Серова, Левитана, Врубеля и др. Были эвакуированы «бронекладовая», хранившая золото, серебро, драгоценные камни и наиболее ценные документы из научного архива (подлинники писем, дневников, рукописей знаменитых художников и писателей). Подготовленные к эвакуации ящики были вывезены в пакгаузы Московской товарной станции, но так как к этому времени прекратилось железнодорожное сообщение, пришлось все вернуть назад в музей⁵⁸.

Летом 1941 г. были эвакуированы фонды Центрального Военно-Морского музея (в Ульяновск), Артиллерийского Исторического музея (Новосибирск), Государственного музея этнографии (Горький), Государственного музея революции РСФСР (Иркутск) и др.⁵⁹ Они были вывезены из Ленинграда 8 июля 1941 г. в Горький, где и находились до ноября 1941 г. В декабре того же года они были перенаправлены в Новосибирск⁶⁰.

Население

По данным ленинградского Управления НКВД, на первый день Великой Отечественной в Ленинграде проживали 2 812 634 человек, из них 591 603 ребенка⁶¹. С 22 июня по 4 сентября из города выбыли в эвакуацию 363 318 человек, в том числе 3889 детей⁶².

Правда, авторы сводки сделали ремарку: «Сведения о выбытии из Ленинграда детей за вышеуказанное время являются не точными, так как на выбывших детей листки отметки не составляются, а дети отмечаются только тогда, когда они выбывают вместе с родителями, также не отмечаются и дети, выбывшие из очагов (детских садов. – Ю. К.) и детдомов». В первый день блокады, 8 сентября, в Ленинграде находились 2 457 605 человек⁶³.

Эвакуация ленинградского населения происходила в несколько этапов. 29 июня 1941 г. Ленгорисполком принял решение «О вывозе детей из Ленинграда в Ленинградскую и Ярославскую области», согласно которому предполагалось вывезти 390 тыс. человек со школами и детскими учреждениями⁶⁴. В тот же день десятью эшелонами были отправлены 15 192 ребенка⁶⁵.

При этом значительное число детей предполагалось разместить в местах их традиционного летнего отдыха – на юге Ленинградской области, куда стремительно приближались фашистские войска. «Теперь мы понимаем, что ехали мы навстречу немцам, а тогда никто этого не понимал. Что вы! Район очень хороший, глубинный район, – вспоминала М.В. Мотковская. – И я была назначена уполномоченным райисполкома по вывозу ребят в Новгородскую область, конкретно в Демянск. И прямо туда мы и приехали⁶⁶. А через несколько дней последовало распоряжение срочно опять эвакуировать ребят – уже, знаете, немец подступал... Сидит воспитательница. Около нее ребята. Сколько их! И вот как бомба разорвется, они кричат: “Мама! Мама! Мама!”. Вы знаете, он летает так низко, посмотрит, нажимает – и бомба сразу разрывается. Потом говорили, что они не знали. Ерунда! Прекрасно знали и, конечно, прекрасно видели... Прекрасная погода. Ребята хорошо одеты. Он прекрасно видел, кого бомбит...»⁶⁷. Сколько детей погибло во время той эвакуации – не известно – воспитатели едва успевали грузить в вагоны, машины и повозки выживших. Страшная весть мгновенно распространилась по городу, вызвав закономерно горько-критичную реакцию: «Не подумав, эвакуировали детей в Старорусский, Демянский и др. районы области и в результате много детей загубили»⁶⁸, – фиксировали органы НКВД «типичные высказывания» населения. Около 170 тыс. детей к концу лета были привезены обратно в город⁶⁹.

Эвакуация взрослого населения развернулась позднее. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» от 27 июня 1941 г. в первую очередь эвакуации подлежали:

а) промышленные ценности (оборудование – важнейшие станки и машины), ценные сырьевые и продовольственные ресурсы (цветные металлы, горючее, хлеб) и другие ценности, имеющие государственное значение;

б) квалифицированные рабочие, инженеры и служащие вместе с эвакуируемыми с фронта предприятиями, население, в первую очередь молодежь, годная для военной службы, ответственные советские и партийные работники⁷⁰.

Вся организация эвакуации, транспортировка и размещение эвакуоконтингентов по прибытии на место возлагались на центральные и региональные органы власти.

Ленинградская эвакуационная комиссия была создана 27 июня 1941 г. и распущена 4 декабря 1943 г., поскольку к этому времени эвакуация из города прекратилась. Комиссия занималась всем: составляла образцы карточек, выдаваемых эвакуированным, устанавливала перечень продуктов и нормы питания для рабочих эвакуопунктов, шоферов, командиров поездов, вагонных бригад. Ею отмечались конечные пункты эвакуации, организовывались ревизии эвакуопунктов, проверка их смет, она следила за тем, чтобы никто не мог получить паек дважды. Ею же регламентировался порядок перевозки эвакуированных, она должна была следить за своевременностью отправки поездов, снабжением их продовольствием и медикаментами⁷¹.

Московский вокзал принял на себя всю тяжесть первой, доблокадной массовой эвакуации. Ежедневно, помимо поездов с военнослужащими, ехавшими на фронт, оружием и боеприпасами, отсюда отправлялись 15–18 эшелонов с эвакуирующимися людьми⁷². Вокзал кипел. «Залы ожидания, дворы прибытия и отправления поездов – все было забито людьми и вещами. Настроение у всех было тяжелое: враг приближался к родному городу, нелегко было расставаться с местом, где долгие годы протекала мирная, счастливая, трудовая жизнь. Люди нервничали, томились тревогой, неизвестностью»⁷³.

Труднее всего было организовать посадку, поддерживать порядок, бороться с кражами в таком человеческом потоке: «Весь состав дорожной милиции московского вокзала – 150 человек был брошен на эту работу. Двести курсантов милицейской школы были даны им в помощь»⁷⁴. На вокзале посадка шла сразу с нескольких платформ. «Вот тут и нужно было не дать проскользнуть вора, пользовавшимся таким огромным движением»⁷⁵.

Ночью старались разгрузить вокзал и все платформы. Каждую минуту могли налететь немецкие самолеты, нельзя было держать массы людей в поездах на главных путях. У работников вокзалов и дорожной милиции к этому времени был уже тяжкий опыт эвакуации людей под бомбардировкой, который они приобрели на станциях Октябрьской дороги, откуда тоже двигался поток отъезжающих. Эти поезда подвергались бомбежке и при посадке, и в пути следования. «Дорожные милиционеры приняли здесь свое боевое крещение. Сопровождая поезда, они брали на себя охрану безопасности людей и вагонов. Сколько раз, забывая об опасности, грозившей их собственной жизни, расцепляли они горящие вагоны, тащили из них людей, перевязывали раненых, рассредоточивали пассажиров, направляли их в лес, подальше от опасного в эти минуты железнодорожного полотна»⁷⁶.

7 июля 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило план вывоза из Ленинграда совместно с предприятиями 500 тыс. членов семей рабочих и служащих.

«Совет по эвакуации постановляет:

1. Разрешить Ленинградскому Горисполкому дополнительно эвакуировать 500 тыс. человек членов семей рабочих и служащих г. Ленинграда в следующие области и автономные республики:

в Вологодскую область 100 000 человек

в Кировскую область 100 000

в Молотовскую область 25 000 человек

в Свердловскую область 25 000

в Омскую область 100 000

в Удмуртскую АССР 15 000

в Казахскую ССР 135 000»⁷⁷.

Эвакуацию надлежало закончить в 10-дневный срок. Как, каким образом, за счет каких ресурсов (финансовых, технических, транспортных, продуктовых, топливных и пр.) ленинградские власти должны были выполнять это постановление – остается загадкой. Как остается загадкой было ли на деле, а не на бумаге оно выполнено.

Судя по тому, что 10 августа Ленгорисполкому было предложено организовать дополнительно эвакуацию 400 тыс. человек, а 13–14 августа – еще 700 тыс.⁷⁸, июльское постановление осталось невыполненным. Но 27 августа железнодорожное сообщение Ленинграда со страной было прервано, и эвакуация по железной дороге стала невозможной. Всего, по данным Городской эвакуационной комиссии, до начала сухопутной блокады из горо-

да к этому времени выехали 488 703 ленинградца и 147 500 жителей Прибалтики и Ленинградской области⁷⁹.

Принудительной эвакуации подлежали немцы и финны, проживавшие в Ленинграде и его пригородах. Согласно постановлению Военного совета Ленфронта от 26 августа 1941 г. «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из пригородных районов ЛО» к началу блокады было выселено:

- финнов – 88 700,
- немцев – 6 700

из них:

- в Красноярский край – 24 тыс.
- Новосибирскую область – 24 тыс.
- Алтайский край – 12 тыс.
- Омскую область – 21 тыс.
- Северо-Казахстанскую – 15 тыс.⁸⁰

(В начале 1942 г. акция была повторена, и в порядке «обязательной эвакуации» к 3 февраля были высланы еще 22 900 финнов и немцев⁸¹. Также принудительно из Ленинграда вывозились заключенные. С 22 января по 15 апреля 1942 г. эвакуировали 1150 человек⁸².)

Осенью 1941 г. масштабы эвакуации резко снизились – водным и воздушным транспортом на Большую землю были перевезены 104 711 человек, в том числе 36 783 ленинградца⁸³.

Первый этап массовой эвакуации продолжался с октября 1941 по январь 1942 г. Осуществлялась она разными способами: на самолетах, поездах, машинах, лошадях и пешим порядком. Авиация в основном вывозила людей из Ленинграда до конца декабря 1941 г. Постановлением Военного совета Ленинградского фронта от 19 ноября 1941 г. была образована Комиссия по эвакуации из Ленинграда людей во главе с председателем Исполкома Ленгорсовета П.С. Попковым. 26 ноября 1941 г. последовало подписанное А.Н. Косыгиным распоряжение Совета по эвакуации СССР, утвердившее предложение Исполкома Ленгорсовета об эвакуации из Ленинграда автотранспортом до ст. Заборье с дальнейшей пересадкой на железнодорожный транспорт 118 тыс. человек. В первую очередь это были рабочие эвакуированных предприятий и члены их семей – 75 тыс. человек; ученики ремесленных училищ и школ ФЗО – 34 тыс. человек; преподаватели и слушатели военных академий – 6 тыс. человек; специалисты и научные работники – 3 тыс. человек⁸⁴. Реализация плана сразу же встре-

тилась с огромными трудностями, и намеченный план – вывозить ежедневно до 7 тыс. человек – оказался нереальным.

Наиболее многочисленную группу людей, эвакуированных этим путем, составляли рабочие Кировского и Ижорского заводов (18 тыс. человек) – выпуск военной продукции на перевезенных в тыл оборонных заводах должен был начаться немедленно. В конце октября 1941 г. был установлен лимит (1100 человек) на эвакуацию наиболее крупных ученых и членов их семей – контингент их, правда, расширился за счет артистов, писателей, художников, музыкантов. Всего самолетами до открытия Дороги жизни вывезли 33 479 человек⁸⁵, что немного, учитывая масштабы будущих эвакуаций⁸⁶.

19 ноября 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта принял решение создать военно-автомобильную дорогу по льду Ладожского озера для доставки грузов в Ленинград⁸⁷. С наступлением ледостава она была построена. Дорога протяженностью 30 км создавалась по трассе мыс Осиновец – острова Зеленцы с разветвлением на станцию Кобона и на станцию Лаврово. 22 ноября по еще не окрепшему льду двинулась первая автомобильная колонна. Так начала работать знаменитая ледовая трасса – Дорога жизни⁸⁸. Вскоре было организовано управление ледовой военно-автомобильной дороги № 101 (ВАД–101), которое с 6 декабря возглавил капитан 2-го ранга М.А. Нефедов.

«В холодную ноябрьскую ночь сорок первого года вышли на ладожский лед защитники Ленинграда, чтобы проложить эту дорогу. За их плечами был темный, голодающий, мерзнувший город, кругом – кольцо вражеских войск, впереди – родная страна. Весь запас пищи у каждого состоял из 150 грамм сухарей. Вражеские самолеты летали над ними, бросали бомбы на лед и посылали в них пулеметные очереди... Пищей в первые дни были убитые обстрелом лошади. На снежной равнине озера, у каменного порога островка, чернели вмерзшие в лед машины. Они затонули в те первые ночи и дни, когда тонкий осенний лед трещал и ломался. “Дорога” в те ноябрьские ночи и дни была громадным полем серого льда с белыми и черными пятнами в тех местах, где лед зажал воду. И на этом громадном ледяном поле не было иных ориентиров, кроме невидимых во мраке тонких палочек – вех, расставленных на расстоянии пятьдесят метров друг от друга, да гаснувших на ветру фонарей, да регулировщиков, простуженными голосами кричавших в темноту шоферам невидимых машин: “Стой, здесь трещина!”»⁸⁹.

22 января 1942 г. началась массовая эвакуация по льду Ладожского озера – Дороге жизни (работала до апреля 1942 г.). Выехать по ВАД–101 должны были не менее 500 тыс. блокадников. Их путь состоял из нескольких этапов: от Ленинграда до Ладожского озера они перевозились главным образом по железной дороге (от Финляндского вокзала до ст. Борисова Грива), затем на автомашинах через Ладожское озеро до эвакуационных пунктов на восточном берегу (Лаврово, Кобона, Жихарево), а затем вглубь страны железнодорожным транспортом.

Поезда, следовавшие до Ладожского озера, преодолевали путь до станции Борисова Грива, всего несколько десятков километров, более суток, вагоны в них не отапливались. «В условиях безнаказанности немецкой авиации вождение поездов становилось смертельно рискованным делом: даже ночью, несмотря на соблюдение правил светомаскировки и наличие различных светомаскировочных устройств, белесые струйки пара и дым становились отличными “ориентирами” для вражеских пилотов. Обстрелы и бомбардировки поездов не прекращались практически постоянно»⁹⁰.

Информация о смертях в пути на первом же отрезке – от вокзала до станции – нередко встречается в дневниках и воспоминаниях. «Мы сели в эшелон, который ехал из Ленинграда. Вагоны были товарные. Ехать было холодно и неудобно. Пассажиры были эвакуированные из Ленинграда, такие же худые и истощенные, как и я. Во время пути истощенные и больные люди умирали»⁹¹. Ф.А. Грязнов так описывал поезд, в котором он ехал к Ладоге: «Весь путь от Ленинграда до Борисовой Гривы сплошной кошмар. Расстояние, покрываемое в нормальное время в несколько часов, мы проедем двое суток. Но какие... эти сутки. В первую ночь умирает в вагоне мать нашего худ[ожественного] руководителя Гершгорна... Труп ее до сл[едующего] дня лежит здесь же в вагоне. Днем на сл[едующий] день умирает сидящий сзади меня мечтавший доехать и отдохнуть на юге»⁹². На станциях Борисова Грива и Ладожское озеро были похоронены 2863 человека, и их гибель во многих случаях вызывалась общим истощением, болезнями, цингой⁹³.

В Борисовой Гриве была пересадка, где многие часы приходилось ждать подачи грузовых автомашин, как правило, открытых, чтобы на них преодолеть короткий, 30-километровый, но полный смертельной опасности путь через Ладогу.

6 декабря 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта принял новое постановление, согласно которому массовая эвакуация должна была начаться с 10 декабря 1941 г. по ледовой дороге через Ладожское озеро, число вывозимых людей к 20 декабря должно было достигнуть 5 тыс. в сутки. Хотя в постановлении Военного совета от 6 декабря 1941 г. были определены последовательно все маршруты эвакуации и ответственные за них лица, в первые же дни выяснилось, что теория, увы, резко расходится с практикой – на деле массовая эвакуация была не подготовлена⁹⁴.

Главные надежды возлагались на ледовую трассу через Ладогу. Предполагалось, что люди пойдут по ней пешком, так как не хватало машин, бензина и не было уверенности, что ладожский лед выдержит тяжесть автомобилей⁹⁵.

Озеро долго не замерзло, и назначенные сроки начала эвакуации (10 и 12 декабря 1941 г.) были пересмотрены: 12 декабря Военный Совет постановил «отложить эвакуацию из Ленинграда по фронтовой автомобильной дороге впредь до особого распоряжения»⁹⁶. Но к этому моменту на станцию Борисова Грива прибыли первые партии эвакуированных в поездах. Схема перевозок предполагала, что освободившиеся от грузов машины, приехавшие в Ленинград, не будут возвращаться порожняком, а возьмут на борт людей. О том, что произошло в действительности, понятно из отчета о работе эвакуопункта Борисова Грива: «С 3/XII стали поступать эвакуопоезда с ленинградцами (рабочие с семьями с оборонных заводов, спецшколы и школы ФЗО) в составе 15–17 вагонов, имеющие до 1500–1700 чел[овек] в эшелоне. Поступление эвакуированных было по одному, по два эшелона в день. Помещений для принятия такого количества людей подготовлено не было, эвакуируемые размещались по 30–40 чел[овек] в комнату к местным жителям. Столовая, где обслуживались эвакуируемые, находилась далеко от места прибытия эшелонов... Качество обедов было низкое из-за отсутствия ассортимента продуктов и плохой местной воды, причем подвозку воды с Ладожского озера в то время эвакуопункт организовать не мог из-за отсутствия транспорта. Кипяток для эвакуированных отсутствовал. Кроме того, транспорт военно-автомобильной дороги, призванной помимо груза для Ленинграда перевозить через лед также и эвакуируемых, весьма неохотно выполнял эту работу. Это обстоятельство вызывало задержку в отправке эвакуированных, доходящую иногда до 4–5 дней... Для получения добавочных помещений в деревне 2 раза организована эвакуация местного населения, но

это мероприятие в большинстве случаев не дало положительных результатов ввиду того, что при освобождении помещений от местных жителей, воинские части... самовольно их занимали»⁹⁷.

Этот краткий отчет охватывает период со 2 декабря 1941 по 21 января 1942 г. и представляет собой обобщенную сводку материалов, отражающих первый этап эвакуации. Сравним его с письмом военного прокурора Октябрьской железной дороги, датированным 11 декабря 1941 г. В обоих документах – одна и та же картина.

«Проверкой установлено, – сообщал военный прокурор, – что составы поездов подготовлены и продвижение эвакопоездов происходит нормально. Наряду с этим выявлено, и это требует немедленного вмешательства для устранения, следующее:

Так, 4 декабря 1941 г. в 21 час. 40 мин. На ст. Борисова Грива прибыл первый эвакопоезд с 84 чел., которые затем должны быть пересажены в автотранспорт для дальнейшей перевозки. Достаточного количества машин, обеспечивающих своевременность перевозки, нет, и в связи с этим указанная группа людей находилась частью в поселке у станции, а частью в вагонах до 6/XII–41 г., когда в 2 часа ночи прибыл второй состав с 1000 чел. населения»⁹⁸.

Изможденные, замерзшие люди оказались в поселке, в неотапливаемых помещениях станции, где не было даже необходимого количества скамеек. Ни питания – даже холодного, ни медпомощи, в которой нуждались после тяжелого переезда многие, не было. Отправленный с Финляндского вокзала 4 декабря поезд, предназначенный для эвакуации ремесленного училища № 45, был отправлен с 45 пассажирами вместо 400 человек и с опозданием на 1,5 часа ввиду неявки эвакуируемых (были ли они отправлены потом или вернулись в город – информация отсутствует). 5 декабря отправление эвакопоезда с 1400 пассажирами было задержано на 3 часа 25 мин. «вследствие нераспорядительности эвакоорганизаций и ж. д. милиции, не организовавших посадку»⁹⁹. Обратим внимание на лаконичную фразу «не организовавших посадку»: за этими словами – дополнительные мытарства измученных людей, стоявших на морозном перроне, теснившихся в промерзшем здании станции... Аналогичное положение с эвакуируемыми и прибывшими из Ленинграда было, как свидетельствуют документы, и на станции Ладожское Озеро. 5 декабря было подано всего 5 автомашин вместо 60, причем каждая машина принимала только 8 пассажиров с вещами¹⁰⁰.

12 декабря военсовет Ленинградского фронта приостановил эвакуацию. Отправка поездов с эвакуированными из Ленинграда была прекращена «до особого распоряжения». Часть прибывших отправили назад, другую все-таки попытались переправить пешим порядком по льду на противоположный берег озера. Люди, оказались у Ладоги. Идти вперед им не разрешалось (озеро еще не замерзло), возвращаться самим в город не хватало сил: все были истощены, все тащили за собой немалую поклажу. Тяжелее всего пришлось «ремесленникам», работник эвакуопункта потом вспоминал, как они, не получая хлеба, варили в котлах кости сгнивших лошадей, собирали отбросы...¹⁰¹ Те эвакуированные, чьи дети «таяли на глазах» и умирали, пытались сами дойти до противоположного берега без разрешения. Заградительные кордоны сумели перехватить не всех самовольно ушедших, и обычно они замерзали в пути.

К сожалению, не была продумана и организация обогревательных пунктов по пути следования колонн. На льду они не создавались, разжигать костры было опасно – это могло демаскировать трассу. Ценой невероятных усилий самоотверженные работники Дороги жизни пытались как-то облегчить участь находившихся на грани жизни и смерти эвакуируемых: «На льду... я увидел фельдшерскую палатку. В первые дни в палатке стояла вода, и все было мокро. Девушки-санитарки целый день ведрами вычерпывали воду. Чадила железная банка-печь. Под палаткой трескался лед, из трещины лилась вода, напоминая людям, что они живут над пучиной. Свистел ветер и вырывал кольца палатки, которые невозможно было достаточно прочно вбить в твердый и хрупкий лед»¹⁰², – записал ленинградский публицист С.И. Хмельницкий, побывавший на Дороге жизни зимой 1941/42 г.

Л.В. Шапорина занесла 18 декабря 1941 г. в дневник рассказ военного, который приехал с Ладоги, «насмотревшись на пешую эвакуацию». Впечатление было тягостное: «Люди замерзали. Матери теряли детей, возвращались и находили их мертвыми. Толпы бросались на проезжающие машины, хватались за колеса, бросались под автомобили, которые ехали, катились и дальше с окровавленными колесами»¹⁰³. «Счастливицы устраивались на попутных грузовиках», – отмечал А. Коровин¹⁰⁴, но таких «счастливиц» было относительно немного: по льду озера «неорганизованным» автотранспортом до 22 января 1942 г. и пешком смогли эвакуироваться 36 118 человек¹⁰⁵.

«Самым тяжелым временем в период ладожской эвакуации, было самое ее начало – зимой, – вспоминала блокадница Р.Д. Мессер. – Сколько раз, явно оповещенные кем-то, немцы начинали сильный артиллерийский обстрел в самый разгар посадки (в вагоны и машины. – Ю. К.). Бывало, во время такого огневого налета на небольшой участок, где скапливались эшелоны, падало один за другим до двадцати осколочных снарядов»¹⁰⁶. Не меньшую опасность представляли и регулярные артиллерийские обстрелы: карты у немцев были, участки железных дорог им были хорошо известны, пристреляли местность они также довольно быстро. Вокзалы, депо, водоемные сооружения, крупные станции и мосты были целью люфтваффе¹⁰⁷.

Если в июле–сентябре 1941 г. выезд из Ленинграда оценивался многими его жителями как трусость, то в декабре 1941 г. оценки по понятным причинам поменялись. Зима 1941/42 г. была суровой: температура воздуха колебалась в декабре–феврале от минус 20 до минус 32 градусов, в квартирах, даже обогреваемых «буржуйками», этой зимой она редко была плюсовой. Электричество было отключено, канализация не работала уже с декабря 1941 г. В ноябре дважды снижались и до того катастрофически малые нормы питания. (Со 2 сентября рабочие и инженерно-технические работники получали 600 г, служащие – 400 г, безработные и дети – 300 г хлеба¹⁰⁸.) 11 сентября пришлось вторично снизить нормы выдачи продовольствия ленинградцам: хлеба до 500 г для рабочих и инженерно-технических работников, до 300 г для служащих и детей, до 250 г для неработающих; также были снижены нормы выдачи крупы и мяса¹⁰⁹. С 13 ноября рабочие получали 300 г, а остальное население 150 г хлеба. Через неделю, чтобы не прекратить выдачу хлеба совсем, Военный совет Ленинградского фронта был вынужден принять решение о сокращении и без того голодных норм. С 20 ноября ленинградцы стали получать самую низкую норму хлеба за все время блокады – 250 г по рабочей карточке, все остальные – служащие, дети и иждивенцы (неработающие) теперь получали 125 г хлеба в день¹¹⁰.

Из спецсообщения ленинградского УНКВД: «12 января 1942 г. Начиная с третьей декады декабря 1941 г. продуктовые карточки населения Ленинграда полностью не отовариваются. Кроме хлеба... население никаких продуктов не получает»¹¹¹.

Из справки Управления НКВД по Ленинградской области о смертности населения по состоянию на 25 декабря 1941 г.: «Если

в довоенный период в городе в среднем ежемесячно умирало до 3500 чел., то за последние месяцы смертность составляет:

в октябре – 6199 чел.,
в ноябре – 9183 чел.,
за 25 дней декабря – 39 073 чел.»¹¹².

В течение декабря смертность, основной причиной которой было истощение, возрастала. Справка ленинградского УНКВД о смертности населения Ленинграда по состоянию на 25 декабря 1941 г.:

«1–10 декабря – 9 541 чел.;
11–20 декабря – 18 447 чел.;
21–25 декабря – 11 085 чел.»¹¹³.

Если в декабре 1941 г. в городе умерли 52 612 человек, то за 25 дней января 1942 г. умерли 77 279 человек. Динамика смертности от голода была чудовищной:

«1-я декада января – 28 043 человек;
2-я декада января – 32 070 человек;
5-я пятидневка – 17 166 человек»¹¹⁴.

В январе в течение нескольких дней ленинградцы не могли получить по карточкам даже хлеб: его в городе просто не выпекали, по официальным данным из-за отсутствия электричества. (Лишь двое суток спустя городское руководство догадалось вместо хлеба начать выдачу муки.) И смертность сделала очередной чудовищный рывок. Если в январе 1941 г. в Ленинграде умерли 4211 человек, то в декабре 1941 г. – 52 612 человек, январе 1942 г. – 96 751 человек, за 10 дней февраля 1942 г. – 36 606 человек¹¹⁵, следовательно, в день умирало более 3600 человек.

Сотрудники НКВД в донесениях в Москву фиксировали «наиболее типичные» высказывания горожан: «Наш любимый Ленинград превратился в свалку грязи и покойников», «что глядят наши руководители, вся земля усеяна трупами», «о людях этого города не заботятся и оставили его на произвол судьбы», «Ленинград стал моргом, улицы стали проспектами мертвых», «народ голоден, а правительство никакой помощи народу не оказывает и в нужды народа не вникает. Руководящие работники питаются хорошо, и не видят, что наши дети голодают»¹¹⁶.

В феврале–марте 1942 г. многие хотели уехать из Ленинграда любой ценой. Отправляли письма в тыл, чтобы их вызывали из Ленинграда как ценных специалистов, просили «похлопотать» за них в Москве, писали прошения «наверх», отмечая в них свои былые заслуги. «На Среднем проспекте... Ляля видела и списа-

ла объявление: “За эвакуацию из Ленинграда одного человека любым способом даю рояль Шредера”», – эта запись появилась в дневнике сотрудника музея города А.А. Черновского 5 марта 1942 г.¹¹⁷

«Трудно человеку, не испытывавшему всех тягот нашего положения, представить себе, как заманчиво для нас оказаться через несколько дней в условиях, в которых можно вволю поесть хлеба и картошки, – читаем в одном из дневников. – Об этом мы мечтаем как о недостижимом счастье. Мечтаем мы и о том времени, когда можно будет спокойной спать, не думая о том, что ненароком в тебя может попасть фугасная бомба или артиллерийский снаряд. И вдруг понимаешь, что эти мечты могут осуществиться – правда, при известных трудностях и опасностях – благодаря эвакуации»¹¹⁸. Однако не все были столь оптимистичны. 10 декабря 1941 г., в «смертное время», ленинградское УНКВД фиксировало, что на фоне возрастающего у значительной части населения желания уехать из города «со стороны отдельных лиц имеет место отрицательное отношение к эвакуации. Отмечены жалобы на неорганизованность проведения эвакуации. Домашняя хозяйка Д.: “Когда было тепло, тогда не эвакуировали население, а теперь, когда люди опухли от голода и ослабли, то вздумали на таком морозе отправлять из Ленинграда народ”. Директор 1-го автогрузового парка К.: “Эвакуация населения через Ладожское озеро это глупость. В свое время, не подумав, эвакуировали детей в Старорусский, Демянский и др. районы области и в результате много детей загубили. Теперь получается то же самое, так как лед на озере тонкий, машины проваливаются, и люди гибнут. Проход по льду очень узкий и немцы его обстреливают. Через этот коридор никому из Ленинграда не выбраться”»¹¹⁹.

Темпы эвакуации непрерывно возрастали. Если в январе 1942 г. через Ладогу было перевезено немногим более 11 тыс. человек, то в феврале – около 117,5 тыс., в марте – около 222 тыс. человек¹²⁰. 26 апреля 1942 г. Ленинградская городская эвакуационная комиссия утвердила отчет «Об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г.», составленный для оперативного отдела штаба Ленинградского фронта. Центральное место в отчете занимали сведения об эвакуации по ледовой дороге с 22 января 1942 по 15 апреля 1942 г. Из них видно, что за этот период из Ленинграда были вывезены 554 186 человек, в том числе рабочих и служащих – 66 182, семей рабочих и служащих – 193 244, учащихся ремесленных училищ – 92 419, молодых спе-

циалистов, студентов, профессоров, преподавателей и научных работников с семьями – 37 877, детей детских домов – 12 639, инвалидов войны – 7343, раненых красноармейцев и командиров – 35 713 и др. Всего за период с 29 июня 1941 по 15 апреля 1942 г. были эвакуированы 1 295 100 человек, из которых население Ленинграда составило 970 718 человек.¹²¹ По сравнению с началом блокады Ленинграда его население к концу апреля 1942 г. сократилось за счет эвакуации и смертности в 2 раза. На 21 апреля 1942 г. к регистрации было предъявлено 1225,7 тыс. комплектов продовольственных карточек, из них рабочих – 498,1 тыс., служащих – 128,2 тыс., иждивенцев – 352,9 тыс., детей до 12 лет – 246,5 тыс.¹²²

Возобновилась эвакуация с 27 мая 1942 г. Теперь от станции Борисова Грива ленинградцы автомашинами доставлялись до мыса Осинец или пристани Каботажная, пересаживались на водный транспорт и после высадки в Кобоно-Каредешском порту перевозились поездами в Вологду, Ярославль, Иваново, откуда следовали в пункты назначения. В основном эвакуация закончилась в августе, всего за этот период было вывезено свыше 432 тыс. чел.¹²³

Постановление об эвакуации из блокированного города 500 тыс. ленинградцев Государственный комитет обороны принял еще 22 января 1942 г. Однако в силу целого ряда причин и прежде всего неподготовленности городских властей к реализации этого постановления в январе 1942 г. удалось эвакуировать немногим более 11 тыс. человек. 19 февраля 1942 г. ГКО был непреклонен: эвакуацию следовало продолжать «нагоняющими темпами». Военный совет Ленфронта постановил: начиная с 21 февраля 1942 г. эвакуировать ежедневно из Ленинграда пассажирскими поездами с Финляндского вокзала не менее 5 тыс. ленинградцев и автомашинами до 1200 человек. Остается только догадываться, какими методами, в каких условиях и ценой каких страданий ленинградцев была реализована эта задача. Ответственность за перевозку населения на автомашинах со станций Борисова Грива и Ваганово через Ладожское озеро возлагалась на начальника ледовой дороги генерал-майора А.М. Шилова¹²⁴. Эвакуация продолжалась до апреля 1942 г., пока ледовая трасса не растаяла.

Покидающим осажденный город предстояли тяжкие испытания изнурительной дорогой, нередко в нечеловеческих условиях. Для большинства ослабленных и больных ленинградцев испыта-

ния начинались с первых же шагов на пути к начальному пункту эвакуации – Финляндскому вокзалу, ставшему главным центром эвакуации с зимы 1941/42 г. Традиционно отсюда направлялись поезда Ладожского направления, и, кроме того, он имел еще важное преимущество – это был, как признавалось и самим противником, единственный вокзал, который находился вне действенного огня немецкой артиллерии.

Была установлена норма (30 кг из расчета на одного человека) перевозимой в поездах и машинах домашней поклажи, но ее мало кто соблюдал. Обычно брали с собой самые необходимые и ценные вещи. Везти вещи приходилось чаще всего на санках, и их было тяжело тащить изможденному человеку¹²⁵. Характерными являются воспоминания блокадницы, матери двух маленьких детей, которой вместе с ними надо было добраться до вокзала: «Одна женщина мне взялась везти вещи, а я детей. Ей я уже отдала полкило пшена и четыре ржаных сухаря. Время было 11 часов, а сбор назначен на 12 часов. Она, как и я, была слабая и с трудом тащила санки. Мы обе еле передвигались. Что, если мы опоздаем? Все мои мучения, трата последних сил будут напрасны»¹²⁶. Им повезло – они успели, поскольку задержалось само отправление поезда...

Вместе с имуществом приходилось нередко везти на санках до вокзала и лежачих родных, следя поминутно за тем, чтобы они не выпали из санок. Машинами до вокзала разрешалось довозить только детдомовских детей, «ремесленников» и тех, кто причислялся к научной и художественной элите города. Таковых оказалось 62 500 человек¹²⁷. Все остальные должны были идти пешком¹²⁸.

Со всех концов города еле живые люди тянули саночки со своим скарбом. «К вечеру 27 февраля наибольшее число эвакуированных собралось на Финляндском вокзале, – вспоминал профессор С.С. Кузнецов, назначенный начальником одного из университетских эшелонов. – Вокзал представлял жалкое и ужасное зрелище. Во многих местах он сильно пострадал от бомб, залы обледенели, стены покрылись толстым слоем копоти, блестящей изморозью; освещались залы редкими, сильно чадившими коптилками»¹²⁹.

На эвакуационном пункте Финляндского вокзала отъезжающих ждали мясной обед (из расчета: 75 г мяса, 70 г крупы, 40 г жиров, 20 г муки подболточной (суповой), 20 г сухих овощей, 150 г хлеба) и 1 кг хлеба в дорогу¹³⁰. Это было колоссальным искушением: го-

лодные люди были не в силах вовремя остановиться, не съесть весь паек сразу. Вот характерный пример: «На Финляндском вокзале, перед посадкой в поезд нам дали на дорогу по буханке хлеба и миску овсяной каши. Как только поезд тронулся, я принялась за еду. И пока мы ехали до Ладожского озера, я съела всю кашу и целую буханку хлеба. Мне было настолько плохо, что я потеряла сознание»¹³¹. Увы, было немало случаев, когда после такой обильной еды люди умирали еще до того, как поезд отправлялся в путь, или в первые же часы следования в эвакуацию.

На вокзале были открыты медпункт и даже промтоварный магазин. Там можно было купить теплые вещи: лыжные костюмы, рейтузы, варежки, одеяла, свитера. Сумма выручки составила 600 тыс. руб., ее, правда, необходимо разделить на 480 тыс. (число эвакуированных до середины апреля 1942 г.), учитывая при этом, что на одного человека из «спецконтингента» расходовалось тогда 6 руб. в день. Кипяток на вокзале, однако, достать было трудно, есть сведения, что его пытались получить у друзей, если они жили недалеко. Как отмечалось в отчете городской эвакуационной комиссии за 22 января – 15 апреля 1942 г., «помещения для эвакуантов были грязные, не отопленные и плохо освещенные. Питательные блоки были явно не подготовлены и не благоустроены»¹³². Надо отметить еще одну деталь: «Площадь перед вокзалом. Уборные на вокзале не действуют и, представьте себе... и мужчины, и женщины здесь же на улице, не стесняясь друг друга, выполняют... естественные свои потребности. Никто не обращает на это внимание. Это в порядке вещей»¹³³.

О происшедшем в тот период на Финляндском вокзале подробно рассказано в стенограмме сообщения начальника отдела завода «Большевик» А.Л. Плоткина. Вместе с группой рабочих он должен был ехать в район Ладоги для починки машин. Вот что он увидел на вокзале: «Мы направились в зал ожидания. Когда я открыл дверь, то увидел, что зал полон пассажирами. Пришлось временно собрать всех людей на перроне. Я лично пошел выяснять время отправления поезда и организацию посадки. Когда я подошел к окошку справочного бюро на Финляндском вокзале, то увидел, что оно закрыто. В помещении виден был маленький огонек. На первый мой стук сидевшая там девушка не ответила. После настойчивого требования, наконец, она открыла форточку и на вопрос – когда же будет отправлен поезд на Борисову Гриву, ответила: “Поезд не отправляется уже третий день и когда он будет отправлен, я не знаю. Это зависит от того, когда отоплеют па-

ровоз»¹³⁴. На полу нередко лежали трупы – обессилевшие люди умирали на вокзале после многих часов, а то и нескольких суток ожидания.

Работу вокзала, согласно официальным отчетам, удалось «резко улучшить» только с середины февраля 1942 г., но и эти утверждения нуждаются в оговорках. Вот описание вокзала, сделанное В.Ф. Чекризовым в его дневнике 28 марта 1942 г.: «2 зала ожидания. Некоторые ждут 2 суток... столовая, приличный обед и 1 кг хлеба. Очередь за кипятком. Уборные в товарном вагоне и в конце вокзала – загородка из досок. Эшелон тронулся без предупреждения, рванулись из очереди за кипятком. Бегут, догоняют, но где там»¹³⁵.

Задержка отправления поездов стала обычной во время зимней эвакуации. При посадке наблюдалась «страшная давка». Все свободные места, тамбуры и проходы были загромождены ящиками и чемоданами¹³⁶. Пока с криками протаскивали в вагон чемоданы, за прочим имуществом следить было некому. А кражи были, и начинались они уже на месте отправления, на самом Финляндском вокзале, причем самые разнообразные. На вокзале люди выкупали хлеб и продукты в дорогу. «И тут, бывало, набрасывался какой-нибудь грабитель и, рывком выхватив продукты, убежал. Это была кража явная, элементарная. Но бывали кражи и посложнее. Воры проникали в состав проводников на Финляндскую дорогу и организованной шайкой раскрадывали вещи у пассажиров»¹³⁷. Все надежды были на транспортную милицию – к ее сотрудникам обращались за помощью, которая хоть и была действенной, но все же не могла в полной мере защитить от злоумышленников. «Из тридцати восьми человек, направленных в первые дни этой (зимней. – Ю. К.) эвакуации на Финляндский вокзал, только двенадцать были работоспособными, физически неистощенными»¹³⁸. Тридцать восемь человек – даже если бы они были в отличной физической форме, то что могли они сделать в переполненном вокзале, с его эвакуационным хаосом...

Достигнув на восточном берегу Ладожского озера населенных пунктов Кобона и Лаврово, со станции Жихарево эвакуируемые отправлялись далее по Северной железной дороге в многодневное изнурительное путешествие к месту назначения¹³⁹. «На каждой стоянке из эшелона выносили мертвых и тяжело больных»¹⁴⁰. По неполным данным, только на ленинградском участке в пути и на станционных пунктах в январе–феврале 1942 г. умерли более 4 тыс. человек¹⁴¹.

Последней массовой эвакуацией стал вывоз людей из города летом 1942 г. Решение о ней было принято Военным советом Ленинградского фронта 18 мая 1942 г. Предполагалось удалить из Ленинграда еще 300 тыс. чел. Отношение к эвакуации по сравнению с зимой в летний период изменилось – увеличилось количество не желавших покидать город: к этому времени неоднократно были произведены прибавки продовольствия по карточкам, да и теплый сезон настраивал на оптимистический лад. Ленинградское УНКВД отмечало эти «симптомы»: «Производимая эвакуация несамодеятельного населения вызвала оживленные отклики среди научной, инженерно-технической интеллигенции и работников искусства – сообщает, например, сводка от 30 июля 1942 г. – Преобладающая часть интеллигенции в своих высказываниях отмечает необходимость этого мероприятия, причем большинство придерживается того мнения, что часть академиков и научных сотрудников должна остаться в Ленинграде для продолжения научной работы».

Академик У.: «Эвакуация населения – дело полезное и необходимое, но уезжать отсюда должны только люди, которые в данных условиях являются балластом. Все, кто может оказывать пользу, должны остаться. Было бы бессмысленно предлагать эвакуироваться мне. Здесь, в Ленинграде, нить моей научной работы еще кое-как тянется, но достаточно сорвать меня с места и эта нить порвется, а я этого не хочу. Я желаю продолжать свою научную работу и потому возбудил ходатайство о разрешении остаться в Ленинграде».

Академик К.: «Эвакуация людей, не могущих быть использованными для нужд фронта, – явление положительное. Это даст возможность улучшить условия жизни людей, которые здесь необходимы. Я не представляю Ленинград без наличия в нем научных сил. Условия для научной работы есть. Несмотря на обстрелы и возможные бомбежки, работать можно и нужно. Если мне разрешат остаться в Ленинграде, то я приму все меры к тому, чтобы объединить то небольшое из научных сил, что осталось в стенах ленинградских академических учреждений. Я направлю все силы к тому, чтобы сохранить максимальное количество ценностей, которых так много осталось в академических учреждениях. Я хочу, именно в Ленинграде, закончить работу, являющуюся результатом деятельности всей моей жизни. Из 27 глав этой работы мне осталось написать только 3 главы».

Профессор Ленинградской консерватории К.: “Эвакуацию проводить нужно, но из этого не следует, что и я должен уезжать из Ленинграда. Моя библиотека здесь, а это моя жизнь! Я не представляю своей жизни в отрыве от работы, от библиотеки. Пусть будет, что угодно, но я не могу покинуть Ленинград”»¹⁴².

Обязательной эвакуации подлежали женщины, имевшие более двух детей, пенсионеры, иждивенцы, члены семей рабочих и служащих предприятий, вывезенных в тыл. Продолжилась и эвакуация детей из детдомов, инвалидов и раненых. Трагичной являлась судьба детей, вывезенных с детдомами и интернатами в 1941–1943 гг. Приемы отбора малолетних детей шокировали тех, кто видел их впервые: воспитатели определяли, сможет ли ребенок дойти от стены до стены, не упав¹⁴³. И «добро» на эвакуацию давали тем, кто мог: взрослые понимали, что путь потребует много физических сил, и вывозить совсем ослабевших – значило не сохранить жизнь и им самим (ибо они не перенесли бы эвакуационной дороги), и обречь на смерть в Ленинграде тех, кто пока находится в относительно неплохом физическом состоянии и может преодолеть дорогу «на материк». Составлялись списки выезжавших с детучреждениями, поскольку многие из малолетних детей даже не могли назвать своего имени.

Схема перевозок теперь несколько изменилась. Блокадников, прибывших поездами из Ленинграда в Борисову Гриву, перевозили на машинах до пристани, где осуществлялась их посадка на малотоннажные самоходные суда, которые постоянно бомбила вражеская авиация, как бомбила она и пристани¹⁴⁴.

Эвакуация, начавшаяся зимой через Ладогу и продолжавшаяся все лето, несмотря на сложную перегрузку в пути (пригородный поезд, машина, катер через Ладогу и поезд на другом берегу), протекала уже более организованно и менее драматично: появился опыт и, что немаловажно, было тепло. Кроме того, уменьшился поток эвакуируемых. Летом уходило не более пяти-шести эшелонов в день. И все же ослабленным людям, перенесшим страшную блокадную зиму, женщинам с детьми, старикам нужно было помочь сесть и погрузить вещи¹⁴⁵. «Передвигаться я могла, только опираясь на лыжные палки, – вспоминала ленинградка, девочкой эвакуированная летом 1942 г. – На пароход нам помогали садиться моряки... большинство из нас было – маленькие дети. Моряк взял меня на руки. Посадил на какой-то ящик, привязал к стойке шарфом, улыбнулся и сказал: “Возвращайся здоровой”. Своей улыбкой он вселил в меня искру жизни»¹⁴⁶. Ино-

гда, действительно, улыбка, ободряющий жест, поддержка абсолютно незнакомых людей могли стать той «соломинкой», которая спасала измученного человека. Эта неистребимая человечность, пусть не слишком часто проявлявшаяся, но тем более ценная, – еще одна примета эвакуационной эпопеи, зафиксированная во множестве блокадных воспоминаний: «Я чувствовала, что поднялась высокая температура. Я вся горела. Мне кто-то давал какое-то лекарство. Клади на голову мокрое полотенце. Я сделалась безразлична ко всему, теряла сознание. Когда приходила в себя, спрашивала, где мы, где дети. Мне отвечали: здесь, в машине, живые дети. Их кто-то кормил, кто-то сажал на горшок»¹⁴⁷.

Переправа шла под бомбежками люфтваффе. «Когда наш пароход отплыл далеко от берега, то мы увидели на воде крышку от чемодана, а на ней зацепилась белая панамка. Кроме того, на воде плавали деревянные обломки, мячик и другие вещи. моряки нам сказали, что здесь недавно был потоплен пароход с эвакуированными»¹⁴⁸.

В конце августа на Ладоге начались штормы. Переправа нередко задерживалась на несколько дней. На берегу в ожидании конца шторма скапливалось до 35 эшелонов – тысячи людей¹⁴⁹. И именно в такие дни бомбардировки немецкой авиации были особенно массированными.

Количество перевезенных во время навигации 1942 г. (27 мая – 1 декабря) также существенно превысило первоначальные «контрольные цифры» – таковых оказалось 448 тыс. человек¹⁵⁰. В 1943 г. эвакуация продолжилась, но в меньших масштабах – в городе на 1 мая 1942 г. оставалось всего 639 тыс. человек. Критерии отбора эвакуированных не изменились, но число их составило всего 14 362 человека¹⁵¹.

К августу население Ленинграда составляло 807 228 человек, из них взрослых 662 361, детей 144 977¹⁵². С 5 июля 1942 по 5 августа 1942 г. в результате эвакуации из города были вывезены 303 718 человек¹⁵³.

В дальнейшем эвакуация носила выборочный характер – уезжали детские дома, больные, раненые. После прорыва блокады в феврале 1943 г. было восстановлено железнодорожное сообщение с Большой землей и поезда стали основным транспортом для эвакуируемых.

В апреле 1943 г. Ленинградская городская эвакуационная комиссия подвела итоги своей деятельности: с 29 июня 1941 по 1 апреля 1943 г. из Ленинграда были, по ее данным, эвакуи-

рованы 1 743 129 человек, в том числе 1 448 338 ленинградцев, 147 291 жителей области, 147 500 жителей прибалтийских республик. С 1 апреля по 17 декабря 1943 г. из города выехало около 20 тыс. человек¹⁵⁴. (Решением Ленгорисполкома от 4 декабря 1943 г. комиссия была ликвидирована.) Сколько из эвакуированных умерло в пути от Финляндского вокзала до Ладоги, погибло при переправе по Дороге жизни, не выдержало долгого изнурительного «странствия» до места назначения и, наконец, уже там, от отдаленных последствий блокады, остается неизвестным до сих пор.

Неоспоримо одно – сотням тысяч ленинградцев, добравшихся до регионов, принимавших их, эвакуация спасла жизнь, дала возможность (пусть и в весьма непростых условиях) придти в себя, окрепнуть, встать на ноги в прямом и переносном смысле. Многие считали места эвакуации «своей второй родиной», где они «потихоньку оживали»¹⁵⁵. И уже вернувшись в родной город, став взрослыми, они навсегда сохранили в душе благодарность тем, кто «постоянно заботился о нас, слабых и одиноких, кто был требователен и ласков»¹⁵⁶. Но «потихоньку оживая», считая места эвакуации «своей второй родиной», они – взрослые и маленькие – сохранили любовь к родному городу, мечтали туда вернуться: «Мы очень скучали по Ленинграду. Все наше желание было: хлеб и Ленинград»¹⁵⁷.

¹ Эрмитаж. Хроника военных лет. 1941–1945: документы архива Государственного Эрмитажа / сост. Е.М. Яковлева, Е.Ю. Соломаха; науч. ред. Г.В. Вилинбахов. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2005. С. 18.

² Адамович А. Гранин Д. Блокадная книга. Ч. 1. URL: <http://tululu.org/read13358/29/> (дата обращения: 11.11.2018).

³ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 1. М., 1954. С. 366.

⁴ Богданов И. Ленинградская блокада от А до Я. СПб.: Кентавр, 2010. С. 15.

⁵ Блокада Ленинграда // Великая Отечественная война. URL: <http://www.otvoyna.ru/leningrad.htm> (дата обращения: 11.11.2018).

⁶ Там же.

⁷ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М: АПН, 1986. Т. 2. С. 136.

⁸ Блокада Ленинграда.

⁹ Там же.

¹⁰ Ковалев С.Н., Щерба А.Н. Полномочия Полевого управления Ленинградского фронта: Организация работы Дороги жизни // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования / сост. П.В. Игнатъев, Э.Л. Коршунов, А.И. Рупасов. СПб.: ГАЛАРТ, 2018. С. 46.

¹¹ Мосунов В.А. Срыв немецких планов под Ленинградом // Военно-исторический журнал. 2014. № 1. С. 14.

- ¹² Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг. СПб.: Лики России, 1995. С. 63.
- ¹³ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н.Л. Волковского. М.; СПб., 2005. С. 21–22.
- ¹⁴ Ковалев С.Н., Щерба А.Н. Указ. соч. С. 46.
- ¹⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании, стратегические операции и сражения. Статистический анализ. Летне-осенняя кампания 1941 г. М.: Институт военной истории МО РФ, 2004. С. 207.
- ¹⁶ Ковалев С.Н., Щерба А.Н. Указ. соч. С. 22.
- ¹⁷ Блокада Ленинграда.
- ¹⁸ Ковалев С.Н., Щерба А.Н. Указ. соч. С. 47.
- ¹⁹ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 34.
- ²⁰ Блокада Ленинграда.
- ²¹ Ломагин Н. Неизвестная блокада. Кн. 1. СПб.: Нева; М.: Олма-пресс, 2002. С. 67.
- ²² Там же.
- ²³ План «Д»: план специальных мероприятий, проводимых во время Отечественной войны по общегородским объектам гор. Ленинграда. СПб.: Европейский дом, 2005. С. 21.
- ²⁴ Богданов И. Указ. соч. С. 19.
- ²⁵ РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 162. Д. 36. Ч. I. Л. 29.
- ²⁶ Историческая справка // Блокада Ленинграда. Эвакуация. URL: <https://evacuation.spbarchives.ru/history> (дата обращения: 11.11.2018).
- ²⁷ Данилов П.П. Промышленность Ленинграда в годы блокады // Отечественная история. 2003. № 3. URL: <http://www.1543.su/VIVOVOCO/VV/JOURNAL/RUNIST/LENPROM.HTM> (дата обращения: 11.11.2018).
- ²⁸ РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 162. Д. 36. Ч. I. Л. 31.
- ²⁹ Там же. Л. 38–39.
- ³⁰ Данилов П.П. Промышленность Ленинграда в годы блокады.
- ³¹ Непокоренный Ленинград. Сборник статей. Л., 1985. С. 58.
- ³² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6 т. М., 1961. Т. 2. С. 147.
- ³³ Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945. М., 1967. С. 100.
- ³⁴ Ломагин Н. Указ. соч. С. 63.
- ³⁵ Комаров Н.Я., Куманев Г.А. Беспримерный подвиг Ленинграда // Война и общество, 1941–1945. В 2 кн. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 2004. С. 31.
- ³⁶ Фатигарова Н.В. Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музеи и власть: государственная политика в области музейного дела. XVIII–XX вв.: сборник научных трудов / НИИ культуры. М., 1991. С. 177.
- ³⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А–2306. Оп. 75. Д. 74. Л. 36, 38.
- ³⁸ Там же. Л. 36–37.
- ³⁹ Третьяков Н.С. Гатчинский дворец, годы испытаний // Цитадель под Ленинградом. Гатчина в годы Великой Отечественной войны / сост. И.Г. Любецкий. СПб.: Лениздат, 1992. С. 138.
- ⁴⁰ Фатигарова Н.В. Указ. соч. С. 177.
- ⁴¹ Третьяков Н.С. Указ. соч. С. 137–138.

- ⁴² Фатигарова Н.В. Указ. соч. С. 176–177.
- ⁴³ Там же. С. 178.
- ⁴⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7384 (Секретная часть Ленгорисполкома). Оп. 3. Д. 21. Л. 62.
- ⁴⁵ Там же. Л. 202.
- ⁴⁶ Там же. Л. 122.
- ⁴⁷ Третьяков Н.С. Указ. соч. С. 140.
- ⁴⁸ Кучумов А.М. Статьи. Воспоминания. Письма. СПб.: Арт-Палас, 2004. С. 65.
- ⁴⁹ Плауде В.Ф. «Сохранить национальное достояние...» URL: <http://tzar.ru/science/research/wwII> (дата обращения: 11.11.2019).
- ⁵⁰ Симкин М.П. Советские музеи в период Великой Отечественной войны: сборник научных трудов // Труды Научно-исследовательского института музееведения. Вып. II. М.: Советская Россия, 1961. С. 190.
- ⁵¹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1420. Л. 46.
- ⁵² Эрмитаж спасенный: альбом-каталог // Выставка произведений из коллекций Государственного Эрмитажа, посвященная 50-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Екатеринбургский Музей изобразительных искусств, 14 апреля – 25 июня 1995 г. СПб.: Славия, 1995. С. 11.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Эрмитаж. Хроника военных лет. С. 26.
- ⁵⁵ Там же. С. 15.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Балтун П.К. Русский музей: эвакуация, блокада, восстановление. М., 1981. С. 32, 34–35.
- ⁵⁸ Там же. С. 189–190.
- ⁵⁹ Фатигарова Н.В. Указ. соч. С. 182.
- ⁶⁰ Симкин М.П. Указ. соч. С. 184.
- ⁶¹ Архив УФСБ РФ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 18. Л. 25.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же. Л. 29.
- ⁶⁴ Историческая справка // Блокада Ленинграда. Эвакуация.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. Л.: Лениздат, 1989. С. 277.
- ⁶⁷ Там же. С. 278.
- ⁶⁸ Архив УФСБ РФ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. № 38. Л. 73.
- ⁶⁹ Историческая справка // Блокада Ленинграда. Эвакуация.
- ⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 36. Ч. I. Л. 31.
- ⁷¹ Яров С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 214.
- ⁷² Мессер Р.Д. На рельсах, на вокзалах: очерк о работе ж/д милиции во время ВОВ. [1944]: рукопись // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 552. Д. 122. Л. 3.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же. Л. 4.
- ⁷⁶ Там же. Л. 5.
- ⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 36. Л. 46–47.
- ⁷⁸ Историческая справка // Блокада Ленинграда. Эвакуация.
- ⁷⁹ Там же.

- ⁸⁰ Архив УФСБ РФ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 18. Л. 3.
- ⁸¹ Там же. Л. 45.
- ⁸² Карасев А.В. Ленинградцы в годы блокады. М., 1959. С. 201; Черказьянова И.В. Ленинградские немцы: Судьба военных поколений: 1941–1945. СПб., 2011. С. 68.
- ⁸³ Историческая справка // Блокада Ленинграда. Эвакуация.
- ⁸⁴ Черепенина Н.Ю. Эвакуация населения Ленинграда по ледовой дороге в 1941 г. (по документам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга) // Россия. Век двадцатый. СПб., 2011. С. 177–180.
- ⁸⁵ Карасев А.В. Указ. соч. С. 133–134.
- ⁸⁶ Яров С.В. Указ. соч. С. 209.
- ⁸⁷ Ковалев С.Н., Щерба А.Н. Указ. соч. С. 51.
- ⁸⁸ Военные железнодорожники в битве за Ленинград (К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне) / под ред. С.Н. Соловьева. СПб.: Феникс, 2005. С. 57.
- ⁸⁹ Хмельницкий С.И. Дорога жизни. Рассказ: рукопись // ОР РНБ.Ф. 709. Оп. 2. Д. 307. Л. 4.
- ⁹⁰ Игнатъев П.В., Кужим М.Ф. Память блокадных перегонов // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования / сост. П.В. Игнатъев, Э.Л. Коршунов, А.И. Рупасов. СПб.: ГАЛАРТ, 2018. С. 81.
- ⁹¹ Адамович А., Гранин Д. Указ. соч. С. 486.
- ⁹² Грязнов Ф.А. Дневник // «Доживем ли мы до тишины?»: Записки из блокадного Ленинграда. СПб., 2009. С. 188.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 3: Январь 1943 – январь 1944. СПб.: Изд.-во СПб ун-та, 2017. С. 57–58.
- ⁹⁵ Ковальчук В.М. 900 дней блокады: Ленинград 1941–1944. СПб., 2005. С. 140.
- ⁹⁶ Ленинград в осаде. С. 277–279, 590.
- ⁹⁷ Черепенина Н.Ю. Указ. соч. С. 197–198.
- ⁹⁸ Яров С.В. Указ. соч. С. 211.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Черепенина Н.Ю. Указ. соч. С. 192–193.
- ¹⁰¹ Яров С.В. Указ. соч. С. 211–212.
- ¹⁰² Хмельницкий С.И. Указ. соч. Л. 3.
- ¹⁰³ Шапорина Л.В. Дневник: В 2 т. СПб., 2011. Т. 1. С. 292.
- ¹⁰⁴ Коровин А. Записки военного хирурга // Ленинградский альманах. 1948. № 2. С. 409.
- ¹⁰⁵ Яров С.В. Указ. соч. С. 212.
- ¹⁰⁶ Мессер Р.Д. Указ. соч. Л. 15.
- ¹⁰⁷ Игнатъев П.В., Кужим М.Ф. Указ. соч. С. 81.
- ¹⁰⁸ Кантор Ю.З. Ленинград в первые месяцы блокады. Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии / отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Гл. архивное управление г. Москвы, 2011. С. 501.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Архив УФСБ РФ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 19. Л. 115.
- ¹¹² Ломагин Н. Указ. соч. С. 236.
- ¹¹³ Архив УФСБ РФ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 19. Л. 101.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 142.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 181.

- ¹¹⁶ Там же. Л. 25, 141–142.
- ¹¹⁷ Пянкевич В.Л. «Каждый такой листочек на стене был криком, воплем крайней беспомощности»: Частные объявления в блокадном Ленинграде // История России: экономика, политика, человек. СПб., 2011. С. 197.
- ¹¹⁸ Попова Н. «Блокадный дневник» Александра Немцева // Люди одной судьбы. СПб., 2005. С. 137.
- ¹¹⁹ Архив УФСБ РФ по СПб и ЛО.Ф. 12. Оп. 2. Д. 38. Л. 72–73.
- ¹²⁰ Историческая справка // Блокада Ленинграда. Эвакуация.
- ¹²¹ Ленинград в осаде. С. 302.
- ¹²² Соболев Г.Л. Указ. соч. С. 123.
- ¹²³ Историческая справка // Блокада Ленинграда. Эвакуация.
- ¹²⁴ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 677–678.
- ¹²⁵ Яров С.В. Указ. соч. С. 218.
- ¹²⁶ Адамович А., Гранин Д. Указ. соч. С. 483.
- ¹²⁷ Ленинград в осаде. С. 303.
- ¹²⁸ Яров С.В. Указ. соч. С. 218.
- ¹²⁹ «Мы знаем, что значит война...». Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет. СПб., 2010. С. 80.
- ¹³⁰ «Для очень многих ... эвакуация означала сохранение жизни»: о деятельности Управления тыла Ленинградского фронта: документы и материалы // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования / сост. П.В. Игнатьев, Э.Л. Коршунов, А.И. Рупасов. СПб. : ГАЛАРТ, 2018. С. 306–307.
- ¹³¹ Чурилова В.В. Детские воспоминания о войне и блокаде: рукопись // ОР РНБ. Ф. 1273. Д. 13. Л. 14.
- ¹³² Ленинград в осаде. С. 288.
- ¹³³ Грязнов Ф.А. Указ. соч. С. 188.
- ¹³⁴ Яров С.В. Указ. соч. С. 220.
- ¹³⁵ Ленинград в осаде. С. 303.; Чекрызов В.Ф. Дневник блокадного времени // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 8. СПб., 2004. С. 66.
- ¹³⁶ Кулябко В. Блокадный дневник // Нева. 2004. № 3. С. 203; Ильин И. От блокады до победы // Нева. 2005. № 5. С. 182.
- ¹³⁷ Мессер Р.Д. Указ. соч. Л. 11–12.
- ¹³⁸ Там же. Л. 15.
- ¹³⁹ Соболев Г.Л. Указ. соч. С. 104–105.
- ¹⁴⁰ Чурилова В.В. Указ. соч. Л. 16.
- ¹⁴¹ Фролов М.И. Человеческие жертвы блокады // Жизнь и быт блокированного Ленинграда. Сборник научных статей / отв. ред. Б.П. Белозеров. СПб., 2010. С. 182.
- ¹⁴² Архив УФСБ РФ по СПб и ЛО.Ф. 12. Оп. 2. Д. 38. Л. 182–184.
- ¹⁴³ Яров С.В. Указ. соч. С. 216.
- ¹⁴⁴ Ленцман (Иванова) Е.Н. Воспоминания о войне: рукопись // ОР РНБ. Ф. 1273. Д. 13. Л. 12.
- ¹⁴⁵ Мессер Р.Д. Указ. соч. Л. 14.
- ¹⁴⁶ Чурилова В.В. Указ. соч. Л. 15
- ¹⁴⁷ Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. Л.: Лениздат, 1989. С. 484.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ Мессер Р.Д. Указ. соч. Л. 14–15.
- ¹⁵⁰ Ковальчук В.М. Указ. соч. С. 163–164.
- ¹⁵¹ Карасев А.В. Указ. соч. С. 286.

¹⁵² Архив УФСБ РФ по СПб и ЛО.Ф. 12. Оп. 2. Д. 19. Л. 307.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Историческая справка // Блокада Ленинграда. Эвакуация.

¹⁵⁵ Ленцман (Иванова) Е.Н. Воспоминания о войне: рукопись // ОР РНБ. Ф. 1273. Д. 13. Л. 12.

¹⁵⁶ Шалунина И.С. Мои воспоминания о детском доме в Новосибирской области: рукопись // ОР РНБ.Ф.1273. Д. 27.Л. 3

¹⁵⁷ Ленцман (Иванова) Е.Н. Воспоминания о войне: рукопись // ОР РНБ. Ф. 1273. Д. 13. Л. 14.